

АНДРЕЙ
БОНДАРЕНКО

БАЙКИ
ЗАБЫТЫХ ДОРОГ

Неформатные книги

Андрей Бондаренко

Байки забытых дорог

«Автор»

2010

Бондаренко А.

Байки забытых дорог / А. Бондаренко — «Автор»,
2010 — (Неформатные книги)

Этот роман был написан и – по самым разным причинам – положен «под сукно». Но очень быстро многие герои «Баек», а также сюжетные линии и конкретные события «перетекли» – совершенно незаметно для автора – в другие книги, которые, возможно, уже знакомы уважаемому читателю. Речь идет о таких романах, как «Седое золото», «Логово льва», «Серебряный бумеранг», «Славянское реалити-шоу», «Утренний хоббит», «Выстрел» и «Метель». Пришел черед «Баек». Текст изменен, переработан, дополнен, тщательно «причесан» и предлагается вашему вниманию.

© Бондаренко А., 2010

© Автор, 2010

Содержание

От автора	5
Байка без номера, выполняющая функции Пролога	7
Байка первая	14
Байка вторая	19
Байка третья	25
Байка четвёртая	31
Байка пятая	35
Байка шестая	40
Байка седьмая	44
Байка восьмая	47
Байка девятая	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Андрей Бондаренко
Байки забытых дорог
*Авантюрный роман, с лёгким
ностальгическим налётом и редкими
философскими отступлениями*

*Юности, ушедшей навсегда и безвозвратно – с сентиментальной
улыбкой – посвящается...*

От автора

Этот роман – правда, под другим названием – был написан четыре года назад. Написан и – по самым разным причинам – положен «под сукно».

Но очень быстро многие герои «Баек», а также сюжетные линии и конкретные события «перетекли» – совершенно незаметно для автора – в другие книги, которые, возможно, уже знакомы уважаемому читателю.

Речь идёт о таких романах, как: – «Седое золото», «Логово льва», «Серебряный бумеранг», «Славянское реалити-шоу», «Утренний хоббит», «Выстрел» и «Метель».

Пришёл черёд «Баек». Текст изменён, переработан, дополнен, тщательно «причёсан» и предлагается вашему вниманию.

Теперь несколько слов о стиле данного произведения, то бишь, о том, что следует понимать под термином «байки». Собирается – несколько раз в год – одна и та же компания, выпивает немного, вспоминает истории своей молодости. И – с каждым разом – эти «байки» становятся всё более длинными, всё более развёрнутыми. Вот, уже и на книгу хватается материала.

– А в чём соль? То есть, что сказать-то хотел? – может прозвучать вполне закономерный и ожидаемый вопрос.

Есть вопрос – есть и ответ.

Господа и дамы, чрезмерно не обременённые прожитыми годами! Уважайте свою юность! Сейчас вам кажется, что живёте вы скучно, бесполезно, серо... Но пройдёт лет пятнадцать-двадцать, и эти годы – «бесцветные и серые» – будут восприниматься вами как мечта самая желанная и недостижимая. И байки про эти времена, непременно, будете писать, и слёзы пьяные – на дружеских вечеринках – ронять... Любите свою юность, цените её!

Тук-тук-тук: это электронная почта принесла новое послание:

– Почему во Времена старинные – о юности ушедшей – баллады слагали? А вы, лишь, байки кропаете?

Ответ прост. Каждое Время и люди, в это Время жившие, достойны только того, чего они по-настоящему достойны, без всяческих прикрас. Жили человеки, достойные героических баллад и легенд – наше им уважение и белая зависть. Досталось нам иное, вот, и получаются только ностальгические байки, но – при этом – добрые...

Одна моя знакомая, дочитав этот роман до конца, заявила:

– Всё бы и ничего, но почему это твои герои – так много пьют? Зачем же заострять на этом бытовом аспекте внимание уважаемых читателей?

Отвечаю. А никто ничего и не заострял, всё – чистая правда.

И вообще, уважаемые читатели, прошу относиться к этому «питию» – в философском ключе, сугубо, как к театральной декорации, не несущей какой-либо значимой нагрузки...

Да, чуть не забыл! Все аналогии, относительно описанных событий и действующих лиц, возникающие в головах у читателей, являются частным делом читателей. За случайные совпадения с реалиями, имевшими место быть, автор ответственности не несёт.

Автор

Байка без номера, выполняющая функции Пролога Январский нервный зуд (Город Сёстринск, Восточная Сибирь, январь 2009 года)

Совершенно неожиданно начался сильнейший и острый зуд. Вернее, самая натуральная чесотка – противная, коварная и мерзкая. Чесалось всё: грудь, плечи, спина, сильнее всего – пальцы рук и голени ног...

Сперва Серый лишь слегка почёсывался, боясь разбудить соседа по гостиничному двухместному номеру. Но, как известно, аппетит приходит во время еды, а чем больше – с крепкого похмелья – пьёшь пива, тем сильнее тебя одолевает неистребимая жажда.... Так и здесь: с каждой минутой Сергей чесался всё отчаянней, настырней, яростней и громче...

Наконец, его сосед Иван Кузьмич Паршиков, спящий на узенькой койке у противоположной стены, проснулся и, демонстративно поворочавшись три-четыре минуты с боку на бок, недовольно заявил:

– Ты, Сергей Сергеевич, это.... Прекращай немедленно! Так тебя растак! Мне утром вставать в шесть часов, поеду в Пашинский лесхоз. Так что, совесть поимей, оглоед, дай выпасться старику...

Серый, вдев ступни ног в старенькие шлёпанцы, поднялся с постели, прошёл в ванную комнату (совмещённый санузел), включил свет и замер около зеркала, поражённый увиденным: вся его грудь, плечи, живот, руки и шея были покрыты мерзкими, ярко-красными прыщиками. Он медленно перевёл взгляд ниже, но и там наблюдалась та же картина: ноги – до самых ступней – были густо обсыпаны совершенно неаппетитной сыпью.

– Мать его растак! – от души высказался Серый. – Ну, надо же! Не было печали у гусара...

Он слегка взъерошил волосы на затылке и скорчил собственному отражению в зеркале непонимающую и задумчивую гримасу. Действительно, происхождение прыщей было трудно и плохо-объяснимым: Серый был мужчиной чистоплотным, да и венерическое происхождение этой дурацкой сыпи полностью отпадало, ибо он уже долгие годы являлся примерным семьянином.

«Может, это Ирка учудила – с кем-нибудь?», – возникла в голове неприятная мысль. – «А, что такого? Жена-то у тебя – женщина симпатичная и сексапильная, опять же, совсем ещё и нестарая. Ты же, родной, целыми неделями пропадаешь в командировках. Вот, она, ведомая плотской тоской, и сбегала на сторону – с какой-нибудь молоденькой и широкоплечей сволочью. А вместе с рогами тебе ещё и гадость эта, венерическая, досталась.... Что, такого быть не может? Уверен в супруге на все сто процентов?».

– Кузьмич! – отчаянно взвыл Серый. – Иди скорей сюда!

Иван Кузьмич, пожилой лысый дядечка, возглавлявший в корпорации «Бумажная река» департамент лесозаготовок, заглянул в ванную комнату уже через семь-восемь секунд и, сонно моргая реденькими ресницами, невесело усмехнулся:

– Эк, тебя разрисовало-то, Сергеич! Ничего, это дело поправимое. Сейчас я тебе дам мыло дегтярное, оно и полегчает, – скрылся за дверь, загремел отодвигаемыми стульями, вытаскивая из-под кровати старенький чемодан.

– Интересно, а имеется ли в этом Богом забытом и занюханном Сёстринске – приличный дерматолог? – неуверенно и озабоченно спросил Серый у собственного хмурого отражения.

Вновь появился сосед по гостиничному номеру (по случаю пришествия мирового финансового кризиса, корпорация начала экономить на всём подряд, даже руководителям достаточно

высокого звена пришлось позабыть об одноместных номерах класса люкс), протянул на вытянутой ладони прямоугольный чёрно-коричневый брусок и пояснил:

– Вот, Сергеич, залезай под душ и намыливайся тщательно, мыла не жалея. Дёготь, он здорово убивает всякие микробы, раздражения смягчает кожные. Давай, пользуйся, не сомневайся...

– Кузьмич, а для чего тебе – дегтярное мыло? – спросил Серый, недоверчиво обнюхивая подозрительный чёрно-коричневый брусок. – И, вообще, где такое продают в наше развитое и навороченное время?

– В деревеньках дальних продают, – охотно пояснил Паршиков. – Это старинные запасы, которые остались, наверное, ещё с советских времён. А мне оно очень помогает от перхоти...

– От перхоти? – недоверчиво хмыкнул Серый. – Ты же лысый у нас!

– Перхоть, она и на лысине селится, разрешения не спрашивая. Ты, Сергеевич, мойся. А я пока чайник поставлю, заварю кофейка, у дежурной разживусь коньяком, если, конечно же, повезёт...

Дегтярное мыло оказалось продуктом волшебным: острый зуд значимо притупился, а противные прыщи побледнели, прямо на глазах превратившись из ярко-красных в нежно-розовые. Минут через двенадцать-пятнадцать Серый вылез из душевой кабинки, тщательно отёрся и, завернувшись в махровое гостиничное полотенце, прошёл в комнату.

Паршиков – выпить совсем, даже, и не дурак, был бы повод – времени даром не терял. На хлипком прямоугольном столике уже была аккуратно расстелена газета, поверх которой красовался блестящий алюминиевый чайник. Рядом с чайником обнаружилась банка с растворимым кофе, две эмалированные кружки, тарелка с крупно нарезанными кусками краковской колбасы и ещё одна тарелка – с ломтями чёрного хлеба. Чуть в стороне расположились два гранёных стакана и пузатая бутылка с греческим (местная подделка, скорее всего) коньяком.

– Давай, Сергеевич, присаживайся! – радушно предложил Кузьмич, торопливо разливая коньяк по стаканам и громко сглатывая слюну. – Выпить тебе надо – в обязательном порядке. Коньяк, он нервы очень хорошо успокаивает...

– Причём здесь – нервы? – непонимающе поморщился Серый, беря в ладонь трёхгранный стакан, до половины наполненный тёмно-бурой жидкостью, остро пахнущей давленными клопами.

Паршиков только торопливо махнул рукой, мол: – «Потом объясню!», и коротко предложил:

– Ну, вздрогнули!

Коньяк, очевидно, делала местная сибирская ключница, разбавляя на глаз питьевой спирт обычной колодезной водой и добавляя в получившийся напиток жжёную ванильную карамель и растворимый кофе.

– Гадость-то какая! – передёрнулся Серый, ставя пустой стакан на краюшек стола, и, закурив сигарету, вопросительно посмотрел на соседа по гостиничному номеру:

– Что ты имел в виду, Кузьмич, когда говорил про нервы?

– То самое и имел! Эта сыпь твоя, она выступила – в гости не ходи – на нервной почве...

– Да, ну! Хватит заливать-то!

– Баранки ярмарочные гну! Я в этом, Сергеич, разбираюсь.... Когда в девяносто пятом (или в девяносто шестом?) рухнула пирамида МММ, я тоже весь покрылся гнойными прыщами. Причём, точно такими же, как у тебя. Ведь, все мои деньги были вложены в этого долбаного Мавроди. Да, как мальчишку тогда обвели вокруг пальца, две недели проходил с этой сыпью, чешась нещадно.... И супруга моя, Марья Ивановна, как-то, года через три после МММ, тоже близко познакомилась с нервными прыщиками. Дело было так. Разводиться я с ней надумал. Взбрело, понимаешь, в голову старую, что разлюбила она меня.... С чего взбрело-то? Хрен его знает! Практически на ровном месте.... Ага, значит, надумал. А тут, как раз,

меня инфарктом шандарахнуло. Сильно так, по-взрослому. Думал, что уже всё, кранты полные. Тогда-то моя Марья сильно испугалась, и от этих переживаний вся покрылась ярко-красной сыпью... Я, понятное дело, оклемался. И, мало того, что оклемался, так и разводиться раздумал. А, зачем, спрашивается? Раз жена так переживает за меня, значит, естественно, любит...

Серый набулькал в стаканы ещё грамм по сто двадцать коньячного напитка и приветливо кивнул собеседнику:

– Ну, за здоровье крепкое и за нервы железобетонные!

Паршиков, занюхав очередную коньячную порцию рукавом пижамной курточки, отчаянно помотал головой и, посмотрев Серому прямо в глаза, негромко спросил:

– Что, Сергей Сергеевич, небось, с утра с шефом разговаривал по душам?

– Ну, говорил, – неопределённо передёрнул плечами Серый. – Что с того?

– Да, ничего, в сущности... Сокращают? Или – по соглашению сторон?

– По соглашению, будь оно неладно! – Серый отвёл глаза в сторону. – Только, Кузьмич, я-то совершенно не нервничал, даже не расстроился ни капли. И, вдруг, прыщи эти... Ничего не понимаю!

– Значит, тебе только так показалось, что не расстроился! – объяснил мудрый и всезнающий начальник департамента лесозаготовок. – А организм, то есть, сознание твоё, тут же и отреагировало. Знать, это увольнение, всё же, болезненно для тебя, братец мой! Сколько ты годиков трудился-то в корпорации?

– Лет шестнадцать, наверное, – грустно вздохнул Серый. – С годичным перерывом, правда...

– А, это когда ты отъезжал в иммиграцию... Кажется, в Швейцарию?

– В Австрию, – уточнил Серый.

– Какая разница? – искренне не понял Кузьмич, наполняя до самых краёв гранёные стаканы. – Европа, она и есть – Европа... Ладно, сейчас жаждем – сугубо в качестве снотворного – и по койкам. Ты, Сергеич, с утра снова душ прими – с мылом дегтярным. Когда у тебя самолёт? В пять вечера? Ладно, родному Питеру передавай привет... Ну, чтоб кризис этот финансовый закончился побыстрее!

Серый лежал на кровати, завернувшись с головой в одеяло, и – сквозь вязкую дрему – ещё раз прокручивал в голове утренние события...

Шеф, Михаил Николаевич Яковлюк, для своих – просто – Мишель, владелец крупного пакета акций холдинга (корпорации, компании, треста, группы – тут, уж, как кому нравится) «Бумажная река», прибыл в Сёстринск в семь часов утра, первым питерским рейсом. Медленно и вальяжно спустившись по самолётному трапу, Мишель небрежно протянул Серому вялую ладошку для рукопожатия и, недобро прищурившись правым глазом, ворчливо велел:

– Ну, докладывай, Серж, как дела! Что у нас с планом, плывёт?

– Плывёт, Михаил Николаевич, плывёт, родимый! Дай Бог, процентов шестьдесят пять дадим от намеченного, и то – вряд ли...

Корпорация «Бумажная река», как легко догадаться по названию, занималась производством бумаги и картона. Мировой финансовый кризис сильно подкосил компанию: спрос на картон и очень многие виды бумаг регулярно снижался, причём, очень неприятными темпами. Только продажи туалетной бумаги, не смотря ни на что, продолжали гордо и планомерно расти...

На производственной планёрке, где присутствовало более двадцати руководителей самого разного уровня, Мишель, обычно вёдливый и требовательный, вёл себя на удивление аморфно: доклады начальников цехов выслушивал в пол-уха и, недовольно хмурясь, рассеянно перебирал разные бумажки. А в самом конце совещания он поднялся из-за стола и, отодвинув назад стул, объявил – неприятным и строгим голосом:

– Уважаемые господа, прошу вашего полного внимания! На Совете директоров принято неприятное, но совершенно оправданное – в условиях наступившего финансового кризиса – решение: необходимо произвести ряд мероприятий, направленных на оптимизацию численного состава работников корпорации. Это касается и всех наших дочерних предприятий, – расстегнул пухлый кожаный портфель, лежащий перед ним на столе, извлёк из него пачку бумаг средней толщины, демонстративно поднял вверх и многозначительно встряхнул: – Вот, это – планы по сокращению для каждого структурного подразделения комбината и для каждой нашей «дочки». Персоналии определите сами. Даю вам на выполнение – трое суток. Прошу принимать решения, основываясь сугубо на целесообразности, забыв о былых заслугах и личных отношениях... Есть такое хорошее понятие, как «критичность». Если, после увольнения конкретного сотрудника может возникнуть – для производственного процесса – критическая ситуация, то такого сотрудника нельзя сокращать ни в коем случае. «Критичность» – вот, ваш главный и единственный аргумент, при принятии персональных решений! Центральный санкт-петербургский офис подаёт всем остальным пример для подражания: там будет сокращено, либо уволено – по добровольному соглашению сторон – сорок пять процентов персонала. («Это же порядка пятисот человек!», – отметил про себя Серый). Более того, акционеры корпорации (кроме Мишеля, акционером «Бумажной реки» числился его младший брат Пётр, а порядка пятидесяти процентов акций принадлежало крупному немецкому бумажному концерну), договорились между собой, что не будут вмешиваться в кадровые решения и «спасать» своих личных друзей, одноклассников и любовниц... Так, идём дальше. Надеюсь, вы все смотрите телевизор? Это очень хорошо, значит должны быть в курсе того, что президент России – Дмитрий Анатольевич Медведев – против массовых сокращений... Поэтому, призываю вас отработать осторожно, с оглядкой. А, именно, необходимо подавляющее большинство работников уволить «по соглашению сторон», чтобы наша компания не попала в списки «нелояльных» к руководству страны. Для этого предусматривается следующее. При сокращении работник получает только трёхмесячную компенсацию и сразу лишается страховки. Если же он увольняется «по соглашению сторон», то выплачивается четырёхмесячная компенсация, а страховка действует по июль месяц включительно. Сообразили? Вот, и молодцы! Ещё попрошу об одном: не надо трогать активных членов партии «Единая Россия». Тех, которые на виду. Надеюсь, господа руководители, вы понимаете, о чём я толкую? Тогда подходите и разбирайте ваши планы-задания! Подходите-подходите, не стесняйтесь...

Уже в самом конце совещания Мишель выдал коронную «мюллеровскую» фразу:

– Всё, господа, до свидания! Я никого не задерживаю... А вы, Сергей Сергеевич, пожалуйста, оставайтесь!

Мишель, последние четыре года абсолютно непьющий (долго ходил на иглоукалывание к дорожному китайскому доктору, посещал не менее дорогого еврейского гипнотизера), достал из бокового отделения портфеля плоскую серебряную фляжку и, отвинтив колпачок, надолго приник к горлышку.

– Что, всё так плохо? – затосковал Серый.

– Хуже не бывает! – Мишель промокнул губы рукавом тысячдолларового пиджака и убрал флягу обратно. – С долгосрочными кредитами образовалась задница, продажи неуклонно падают, немцы настаивают на полной заморозке всех инвестиционных программ и на пятидесяти процентном сокращении персонала, – после короткой паузы тяжело вздохнул-выдохнул и бухнул: – Ты, Серж, тоже попал в «чёрный» список. Извини, дружище, но я ничего не мог сделать... А всё должность твоя дурацкая – «заместитель Генерального директора по общим вопросам»! Немцы сразу же к этому и прицепились, мол, раз «по общим вопросам», значит – при твоём увольнении – критической ситуации возникнуть не может. Тут, кстати, они полностью правы. Ты же, брат, у нас занимаешься всем подряд: и вопросами безопасности, и внутренним аудитом, и проведением тендеров...

– С прессой ещё общаюсь, пиарщиков наших консультирую, провожу дополнительную экспертизу всех инвестиционных объектов, – скороговоркой подсказал Серый.

– Вот, именно! – Мишель, гневно блеснув стёклами стильных очков в золотой оправе, стукнул кулаком по столу. – Страхуешь, помогаешь, контролируешь, направляешь, подсказываешь, приглядываешь.... Не, лично я считаю, что всё это очень полезно, замечательно и здорово. Да, вот, немцы не хотят понимать этого! Ноют, как заевшая пластинка, мол, дубляж получается.... И нечего им возразить на это: ты ведь, Серёжа, действительно, дублируешь работу других служб.

– Так, Мишель, ты же сам мне велел это делать! Когда я вернулся из зарубежных странствий и пришёл к тебе...

– Да, велел! А теперь ситуация резко изменилась.... Ладно, что переливать из пустого в порожнее, когда окончательное решение уже принято? – шеф, достав из портфеля тоненькую пластиковую папку с несколькими листами бумаги, положил её перед Серым. – Вот, друг мой Серенький, соответствующее соглашение. Подписывай! Ну, а когда кризис закончится, то милости просим обратно. Возвращайся! Если, конечно же, захочешь.... Надеюсь, без обид? Я же предупредил тебя – почти год назад. Помнишь?

Серый согласно кивнул головой, достал из пластиковой папки текст соглашения, и, закурив, углубился в чтение, пытаясь таким нехитрым образом взять себя в руки и хоть немного сосредоточиться.

Что касается предупреждения, то да, было дело, Мишель не соврал. Случилось это в самом конце апреля 2008-го года, когда Сергей собирался вылетать из Питера в Сёстринск. Приближались майские праздники. Многие руководители комбината, взяв дополнительно к выходным по восемь-десять дней отпуска, отправлялись с домочадцами в жаркие страны. Поэтому было необходимо присмотреть за всем на месте. То есть, «подстраховать ситуацию» – как любил выражаться Пётр Яковлюк, мужчина – в отличие от своего серьёзного и разумного старшего брата – весёлый и насмешливый.

Перед тем, как отправиться в аэропорт, Серый заглянул в кабинет к шефу. Мишель выглядел очень усталым и озабоченным. После настойчивых вопросов, объяснил:

– Информация поступила из Москвы, с самого верха, – многозначительно ткнул указательным пальцем в потолок. – Кризис приближается, мировой и финансовый. Начнётся уже этим летом. Вполне возможно, что наша «Бумажная река» обанкротится. То бишь, накроется медным тазом, образно выражаясь.... Так что, Серж, можешь подыскивать новую работу...

– Может, пронесёт? – спросил тогда Серый.

– Вполне возможно, что и так.... Но, всё же, будем страховать. Решили мы с братом Петром продать немцам пятьдесят процентов акций нашей «Реки», пока они не обесценились. Вообще-то, мы хотели продать всё, без остатка, но Москва запретила. Мол, бумага – продукт стратегический, на ней печатаются газеты важные, листовки предвыборные...

Серый, дочитав текст соглашения до конца, спросил у Мишеля:

– Каким числом подписывать?

– Ну, тебе же двух-трёх недель хватит для сдачи дел? Вот, исходя из этого, и определяйся.... Да, как подпишешь, сразу же дуй за билетами и улетай в Санкт-Петербург. Не отсвечивай здесь обиженной мордой...

Над Восточносибирской возвышенностью безраздельно царствовала глухая зимняя ночь, на улице с самого вечера мела злая метель, в стёкла настойчиво стучались наглые и колючие снежинки. Все рейсы уже давно и прочно были отменены, большинство ламп дневного света потушены, по полутёмному залу ожидания аэропорта разносился громкий храп уснувших пас-

сажиров. Кто-то спал сидя, кто-то – лёжа, предварительно подстелив на длинные и ужасно неудобные пластиковые сидения вчерашние газеты.

Все газеты дружно и настойчиво – на всех без исключения полосах – рассказывали о финансовом кризисе, опутавшем крепкими и коварными сетями беззащитную планету...

Справа невидимый гитарист ласково и невесомо перебирал струны своего верного инструмента, и тихонько напевал – сугубо в тему:

– Январь. Какая странная пора. Пора? Пора, мой друг, давно – пора! Туда, где пенится волна. Всегда... Январь. Качает ветер фонари. Январь. Прошу – со мной – поговори. О том, как теплятся огни. Вдали... Она? Она немного влюблена. В меня? Вполне возможно, что и да. А может, как это не жаль, в январь... Январь. Какая серая пора. Вино. И кругом голова. Сосульки – с незнакомых крыш. Ты почему – молчишь? Любовь? Она всегда волнует кровь. Всегда. Когда приходят холода. Полезна очень – как морковь. Любовь...

– Что за дела творятся такие? – где-то рядом громко возмутилась такая же невидимая тётка. – Поспать не дают, ироды! Кризис на дворе, а они, супостаты, песенки поют...

– Кризис? – искренне удивился сосед Серого, бородатый мужчина средних лет. – Да, какой это кризис? Так, название одно... Вот, помню, в девяносто втором году – серьёзное было дело. Ельцин, морда пропитая, цены на всё отпустил, а зарплату-то и позабыл поднять...

– И про пенсии забыл, рожа сытая! – неожиданно поддержала бородача невидимая тётка. – Гнида речистая! Тогда мой сынок на шахте полгода зарплаты не получал, а мне пенсию задержали почти на три месяца... Как выжили тогда? Но, ведь, выжили...

– А что потом началось? – громко спросил мужчина в пространство, после чего сам же и ответил: – Бандитизм начался, махровый и беспредельный! Крыш было в два раза больше, чем скользких бизнесменов и вшивых коммерсантов. Но, ведь, и это пережили? Пережили! А что было в самом конце девяносто пятого года?

– Что, собственного, было тогда? Запомню-ка я что-то... Напомни-ка, товарищ!

– Выборы приближались, и многие не верили, что Ельцина переизберут на второй срок...

– Верно-верно, и я не верила!

– Некоторые индивидуумы – в какой-то момент – испугались, что к власти вернуться коммунисты. Мол, вернуться, гады, и устроят новую кровавую баню, припомнив всем прегрешения их – рыночные да коммерческие... Вот, тогда-то во многих головах начался ещё один кризис – иммиграционный – на этот раз. Целая куча народа, похватав чемоданы и детишек, рванула на запад. Где, к слову сказать, их никто и не ждал... Много там было поломано судеб. Кто-то – со временем – вернулся назад, а кто-то и счёты свёл с жизнью...

«Это он говорит про меня!», – подумал Серый. – «Это же я, подхватив под мышки жену и детей, рванул со всех ног в Австрию – пытать своё счастье. А через полгода вернулся обратно. Как пёс обделавшийся – без копейки денег – приполз в родимую конуру... Больше всех тогда дочке досталось: она, как раз, пошла в первый класс. Бедная Оля! Четыре месяца отучилась в австрийской школе, а после Нового года пошла в русскую. Стресс – для ребёнка – неслабый... Ладно, и это пережили, не сломались!

– Вскоре наступил девяносто восьмой год. Дефолт, то бишь! – вкрадчиво сообщил бородач.

– Мать их всех, красивых да богатых! Чубайса, и иже с ним! – грязно выругалась тётка. – Опять погорели все мои денежки, что копила на ремонт дачи. Вот же, гадуки сволочные...

– Ну, и что нам – нынешний кризис? – попытожил сосед Серого. – Так, ерунда ерундовая, пшик один несерьёзный. Тем более, что многие – за последние пять сытых лет – и недвижностью обросли, да и накопления предусмотрительно держат под матрасами...

«И это – правда!», – мысленно согласился Серый с соседом. – «Квартира у меня нынче – просто отличная, дача неплохая, две машины-иномарки новенькие, денег в разных банках

сложено – на чёрный день – тысяч сорок долларов. Ну, и чего это я так, спрашивается, переживаю? Нервничаю, прыщиками, даже, весь покрылся – как лох последний, чилийский... Не, надо успокоиться, собраться с мыслями. Самое лучшее – прямо завтра, благо, что завтра суббота – рвануть на дачу. Пивка закупить литров семь-восемь, запереться, посидеть у камина, вспомнить старые времена, подбить некоторые промежуточные итоги... Ерунда, прорвёмся!».

Словно бы заразившись общим оптимизмом, неожиданно поселившимся в зале ожидания, проснулся громкоговоритель и, откашлявшись, радостно объявил:

– Уважаемые дамы и господа! Объявляется посадка на рейс 2240, следующий по маршруту Сёстринск – Санкт-Петербург. Регистрация пассажиров начинается у стоек за номерами пятнадцать и шестнадцать. Повторяю...

В помещении зажглись все лампы дневного света и тётка, оказавшаяся – в полном соответствии со своим голосом – мордатой и толстощёкой, неожиданно попросила молоденького паренька-гитариста:

– Слышь, малец! Ты песенку-то допой, что ли. Интересно просто, чем там у тебя закончится...

Длинноволосый юнец не заставил себя просить дважды и, перебирая струны, запел:

– Звезда. Сияет в дальнем далеке. Опять. Иль, это снится мне? На стенке – толстый календарь. Январь... Январь. Какая грустная пора. Пора? Пора, мой друг, давно – пора! Ключи? Закроем двери как-нибудь. И – в путь... Январь. А за окошком – снег. Пурга. Она всегда – права... Январь. И мне немного жаль – нас всех... Январь. И мне немного жаль – нас всех...

На следующее утро – как и планировал – Серый уехал на дачу. Жена Ирина, будучи женщиной умной, возражать не стала. Повздохала только немного – понятливо и жалостливо, а на прощанье подмигнула – тепло и нежно...

Широкой лопатой, предусмотрительно оставленной на улице, он расчистил дверь от снега, зашёл в промёрзший за зиму дом и растопил камин. Потом, часа через два с половиной, когда в комнате стало относительно тепло, Серый подтащил к камину столик, застелил его старенькой скатертью, на которую выставил многочисленные пивные банки. Вскрыв разнокалиберные пакетики, разложил по тарелкам нехитрые закуски: чипсы, орешки, снетки, спиральки подкопченного сыра и узкие кальмаровые полоски.

– Что же, приступим, пожалуй? – предложил сам себе Серый и – с негромким «пшиком» – вскрыл первую банку. – Вспомним, как оно было...

Байка первая Превратности Судьбы: «Зенит» и портвейн – близнецы брата...

Он проснулся в предрассветный час. Было прохладно и зябко, ленивое солнышко всё ещё дремало где-то – за далёкой линией горизонта. Но крошечная тьма уже трусливо отступила, вокруг безраздельно властвовала серая, чуть подрагивающая мгла. Редкие клочья тумана задумчиво оседали на ветвях деревьев крошечными капельками росы. Заброшенный сад казался древним и ужасно таинственным. Где-то рядом тихонько шелестели волны, ненавязчиво соприкасаясь с каменистым берегом. Это старушка-Нева напоминала о своём существовании.

– И как это меня занесло сюда? – удивлённо прошептал Серый. – Так иногда бывает. Протыпаешься, и долго не можешь понять: – «Где я? Как попал в это конкретное место? Зачем?». А потом, когда память постепенно возвращается, закономерно возникает другой, гораздо более важный и трудный вопрос: – «А что, собственно, дальше-то будет?»...

1980-ый год был богат на события: московская Олимпиада, умер Владимир Семёнович Высоцкий, Серый (он же – полностью – Сергей Сергеевич Хрусталёв) окончил среднюю школу. Выпускной вечер, утреннее похмелье, мысли о грядущем поступлении в ВУЗ.

До пятого класса семья Сергея жила в Ленинграде, а потом родители «завербовались на Севера», так что школу он заканчивал уже на Кольском полуострове, в заштатном посёлке городского типа – отец и мать уезжать до пенсии «с Северов» не собирались. Как бы там ни было, но пришла пора возвращаться на историческую Родину, то бишь, в Ленинград, где остались малогабаритная трёхкомнатная квартира и добрая старенькая бабушка.

Бабушка встретила внука с распростертыми объятиями, долго вертела во все стороны, приговаривая:

– Худенький-то какой! Да и росточком не вышел! А войны-то и не было. Что же так? Это всё Север виноват. Солнца нет, витаминов нет...

– Чего это – росточком не вышел? – ворчливо возмутился Серый. – Целых сто шестьдесят три сантиметра! А что худой, так это всё из за спорта. Как-никак, чемпион Мурманской области по дзюдо – среди старших юношей, в весе до сорока восьми килограмм...

Бабушка этими объяснениями не удовлетворилась, и стала один раз в два дня регулярно ходить за разливным молоком к колхозной цистерне, каждое утро появлявшейся возле дома.

– Пей, внучок, молочко! – приговаривала старушка. – Оно очень вкусное и полезное. Глядишь, и подрастёшь ещё немного...

Внучок не спорил, а молоко пил исправно и охотно.

Куда поступать – особого вопроса не возникало. Естественно, туда, где пахнет романтикой. В те замшелые времена это было очень даже естественно и логично, тем более, что представители романтических профессий получали тогда вполне приличные деньги. Любопытчик, моряк, геолог зарабатывал в разы больше, чем какой-нибудь среднестатистический инженер на столичном предприятии. И считалось совершенно обыденным и разумным – лет до сорока пяти «положить романтики» где-нибудь в дальних краях, денег скопить-заработать, да и осесть – ближе к старости – в каком-нибудь крупном городе на непыльной должности, а по выходным с усердием вспахивать свои шесть огородных соток.

Раньше, чем в других ВУЗах, экзамены начинались в «Макаровке», где готовили штурманов и капитанов для плаваний в суровых северных морях.

– Профессия как профессия, – одобрила бабушка. – И денежная, и с романтикой всё в полном порядке...

Сергей отвёз в училище документы, написал заявление о приёме – всё честь по чести. Но уже на медкомиссии – к его огромному удивлению – случился полный облом. Пожилой доктор – с аккуратными седыми усами, в белоснежном накрахмаленном халате, наброшенном поверх уставного тельника – быстро опустил парнишку «с бескрайних морских просторов на скучную землю»:

– Нет, братишка, задний ход! Не годишься ты для нашего легендарного заведения. В твоём носу сломана важная перегородка. Дрался много, или спорт какой? И то, и другое? Молодцом, одобряю! Но из твоего носа – на морском ветру – польются такие сопля... Только ведра успевай подставлять! А зачем, спрашивается, нашему прославленному российскому флоту сдались сопливые офицеры? Нонсенс, однако, получается... Да, ладно, не огорчайся! Не один ты такой... Тут – метров пятьсот ближе к Неве – располагается Горный Институт. Все хиляки от нас туда держат курс. Тоже лавочка неплохая. Дерутся только их студенты с нашими курсантами, постоянно друг другу пустыми пивными кружками разбивают головы. Но, это так, не со зла. Традиции, брат, понимаешь, старинные. Не нами придуманные, не нам и отменять... Так что, смело греби в том направлении. И семь футов тебе под килем!

Серый послушался доктора и «погрёб».

Старинное приземистое здание, толстенные колонны, узкие, сильно выщербленные ступени. По разным сторонам от входа размещались странные скульптуры: два полуголых мужика, покоцанных временем и ветрами, крепко обнимали таких же покоцанных девчонок. А на асфальте, рядом с длинной каменной лестницей, обнаружилась белая надпись, выведенная аккуратными метровыми буквами: – «Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, МОЙ ЛГИ!».

– А что, на мой взгляд, мило, – решил Серый. – Зайдём, пожалуй!

Тут же выяснилось, что на чистых геологов (РМ) наблюдался бешеный конкурс – пятнадцать человек на место. А, вот, на второстепенные геологические специальности (гидрогеология – РГ, и бурение скважин – РТ) поступить было не в пример легче, особенно, если средний балл по аттестату был выше, чем «4,5». У Сергея этот показатель равнялся четырём целым и восьми десятым балла, да и название будущей профессии ему очень приглянулось: – «Техника и технология разведки месторождений полезных ископаемых».

– Лихо загнули! Сразу и не поймёшь, что к чему, – решил Серый и сдал документы на РТ.

Через две недели он получил две пятёрки – по математике «письменно» и «устно» – и был зачислен студентом Ленинградского Горного Института имени Г.В. Плеханова. Учитывая, что до начала занятий оставалось ещё больше месяца, Сергей решил по-быстрому смотаться на Кольский полуостров – порыбачить вволю, грибами заняться всерьёз: зимой суп из сушёных грибов – самое милое дело.

Но, не тут-то было, худой и желчный декан факультета ехидно объявил:

– Все первокурсники, поступившие по эксперименту, направляются в подшефный совхоз «Фёдоровское», на прополку турнепса. Счастливо вам потрудиться, дорогие товарищи комсомольцы!

Приехав в Фёдоровское «товарищи комсомольцы» откровенно запечалились, созерцая бескрайнее широченное поле, покрытое полуметровыми сорняками. Пьяненький совхозный бригадир выдал вновь прибывшим работникам ржавые тупые ножи и скомандовал:

– Вперёд, орлы и орлицы! За славой и орденами!

Пока остальные студенты вяло топтались на месте, высокий и худой парнишка – с непропорционально длинными руками и ногами – резво взялся за дело: и трёх минут не прошло,

как он удалился от основной группы метров на пятнадцать-двадцать, только сорняки летели в разные стороны – словно бы из-под ножей комбайна.

– Во, даёт! – восхищённо удивляется симпатичная девица с экономического факультета.

– Да, это же «эртэшник», – лениво прокомментировал её кавалер – по внешнему виду – типичный ботаник. – На РТ каких только чудиков не принимают....

«Раз парнишка наш, то, пожалуй, следует подключиться к процессу», – решил Серый.

Он встал чуть правее неизвестного энтузиаста и начал активно пропалывать чёртов овощ, стремясь догнать лидера. Сделать это удалось только через час, истекая потом, на противоположном краю поля.

– Лёха-каратист, – тяжело дыша, представился новый товарищ.

– Ну, а я тогда – Серёга-шахматист, – неуклюже сострил в ответ Серый. – Кстати, а чего это мы так ломанулись-то?

– Ты что, Джека Лондона не читал? – удивился Лёха. – Ну, помнишь в «Смоке и Малыше»: – «Быстрые долгие переходы и продолжительные привалы»? Мы-то сейчас минут пятьдесят полежим-отдохнём в тенёчке, а остальные ребята – всё это время – будут жариться на солнцепёке. Нам оно – гораздо проще.... Логично я рассуждаю?

– Логично, пожалуй....

Новый знакомый Сергея оказывается записным болтуном и законченным романтиком, поступившим в Горный сугубо по идейным соображениям. Минут двадцать Лёха безостановочно трепался о своей любви к путешествиям, о желании объехать весь мир вдоль и поперёк, о каком-то там «звонком ветре странствий», и тому подобных глупостях. И ещё минут десять рассказывал о карате. То есть, действительно, оказался каратистом – редкость для тех времён нешуточная. Уже в самом конце разговора Лёха спросил:

– А как, кстати, ты относишься к футболу?

– Нормально отношусь. Наверное, как и все, – сообщил Серый. – И играть люблю, и смотреть....

– Давай, тогда сходим на «Зенит»? Согласен? Ну, тогда встречаемся в субботу на «Петроградке», ровно в три. Смотри, не опаздывай! Билеты я куплю заранее.

Встретившись с приятелем в оговорённое время, Серый поинтересовался:

– Лёша, а чего это мы состыковались в такую рань? Футбол-то начинается только в восемь.

– Ты, прямо, как маленький! – возмутился Лёха. – А портвейна достать? А выпить-поболтать?

– Портвейна достать? Вообще-то, я думал, что мы идём на футбол....

Посоветовавшись с неприметными пацанами, отирающимися около входа в метро, Лёха радостно объявил:

– На Зелениной продают «Агдам»! Полетели по-быстрому! Говорят, что взять вполне реально....

Они «полетели по-быстрому», отстояли, переругиваясь с наглыми мужиками, полтора часа в длиннющей очереди, Лёха даже успел заехать кому-то в глаз. Но портвейн, всё же, достали. Целых три бутылки!

– Зачем так много? – в очередной раз удивился Серый.

– «Агдам» – вино для дам! – важно, с философскими нотками в голосе заявил Лёха. – А «три» – очень хорошее число! Одну бутылку выпьем до матча, другую – в процессе, третью – после. Железная логика?

– Железная, чего уж там....

– Тогда следуй за мной! Тут один парадняк есть – всё сделаем культурно, без суеты и спешки....

Они вошли в неприметный двор-колодец, по длиннющей грязной лестнице поднялись под самую крышу, на седьмой этаж. Из-за чугунной батареи извлекли картонную коробку, в которой обнаружили два стеклянных стаканчика, салфетки и перочинный ножик. Лёха ловко застелил широкий подоконник салфетками, тщательно протёр стаканчики, открыл пузатую бутылку с «Агдамом», в завершении – достал из кармана куртки сырок «Дружба».

– Слышь, Лёша, а зачём всё это? Ну, «Агдам», сырок, – помявшись, спросил Сергей.

– Ну, ты даёшь! Как бы объяснить-то – попроче.... Ты как относишься к принципам и традициям? Положительно? Так вот, всё это и есть – принципы и традиции! И сырок, именно, «Дружба», и портвейн.... Даже стишок имеется конкретный: – «Портвейн и «Зенит» – близнецы-братья! Кто нам, пацанам, особенно ценен? Мы говорим «Зенит», подразумеваем – портвейн. Мы говорим «портвейн», подразумеваем....» А, чёрт, забыл! Да, и неважно.... Давай, за «Зенит»!

Первая порция «Агдама», как и полагается, прошла комом. Вторая, естественно, соколом. Серый – в процессе употребления портвейна – получил целое море познавательной информации: как о мировом и отечественном футболе – в целом, так и о «Зените» и его играх – в частности.

– Я за что «Зенит» уважаю? – разглагольствовал слегка захмелевший приятель. – Во-первых, за то, что в команде, в основном, питерские пацаны играют, ребята с нашего двора, образно выражаясь.... Сечёшь? А, во-вторых, за Володю Казачонка! Он – боец настоящий, всегда сражается до конца. Выигрываем, или проигрываем – Володя всегда в мыле, как лось педальный, бегают по полю, бьётся – изо всех сил.... Да – за него – я любому перегрызу глотку! А, вообще, у меня есть мечта.... Хочу, чтобы в «Зените» только одни питерцы играли. Вовсе без приезжих! И, чтобы бились они все – как Володя, то бишь, до конца.... И, совсем неважно, какое конечное место в чемпионате страны займёт команда. Лично мне – неважно! Главное, чтобы играли только свои, и, чтобы – бились! А звёзд иногородних набрать и первые места потом занимать – такого, лично мне – и даром не надо....

Бутылка закончилась. Лёха открыл вторую, достал из-за пазухи плоскую объёмную флягу и ловко перелил туда напиток. Спрятав фляжку под ремень, он старательно одёрнул рубаху и вопросительно посмотрел на Сергея:

– Ну, как? Незаметно? А то менты нынче – звери, вмиг отнимут....

Запихав коробку со вспомогательным инструментарием обратно за батарею, они переместились на Крестовский остров. Но направились не к стадиону имени С.М. Кирова, а вглубь парка, где в дупле старого трухлявого дуба и спрятали третью бутылку.

А потом был – собственно – футбол. Что делалось на поле – было видно откровенно плохо, но на тридцать третьем секторе стадиона Серому очень понравилось. Фанаты, бестолково размахивая руками, дружно скандировали весёлые и дурацкие «кричалки», извлекали из потайных мест фляжки, бутылки, даже, медицинские грелки, и – под одобрительные взгляды друг друга – браво употребляли принесённые напитки.

Кажется, «Зенит», всё же, выиграл. А, вот, с каким счётом? Сергей с Лёхой потом так и не смогли вспомнить....

Дружной и радостной толпой, уже в вечерних сумерках, в окружении доблестной милиции, болельщики двинулись прочь от стадиона. Мужики и пацаны дружно скандировали:

– «Зенит» – бронза звенит!

– Менты – гордость нации!

Пьяненькие девицы предпочитали другую «кричалку»:

– Я хочу родить ребёнка – от Володи Казачонка!

Милиционеры, мило и вежливо помахивая чёрными дубинками, понимающе и благостно улыбались.

Сергей и Лёха, незаметно отделившись от основной группы, свернули в парк, к заветному тайнику. Как открывали последнюю бутылку, Серый ещё помнил, потом – как отрезало...

Проснулся он от холода, уже на рассвете. Туман медленно оседал на листьях деревьев крохотными капельками росы, рядом громко и тревожно храпел Лёха.

– Вот, и сходили на футбол, – тихонько подытожил Серый. – Интересно, что по этому поводу скажет бабушка?

Лёха проснулся в неожиданно-хорошем настроении и тут же заявил:

– Классный вчера был футбол! Достоин сходили! А сейчас двинем на «Ваську», там пивные точки с восьми утра начинают работать.

Через пять минут они двинулись в сторону Васильевского острова. Лёха шагал первым и в полголоса беззаботно напевал:

– Мои друзья идут по жизни маршем! И остановки – только у пивных ларьков...

У пивного ларька змеилась длинная очередь, состоящая из злых, мятых и небритых мужичков. Но Лёха доходчиво и авторитетно объяснил, что болельщикам «Зенита» пиво полагается без очереди. Первый несогласный тут же получил ногой в ухо, а остальные благоразумно вмешиваться и возражать не стали...

– Карате – весьма полезная вещь! – хвастливо заявил Лёха, бережно обнимая ладонями кружку, украшенную пышной шапкой белой пены. – А пиво – лучший напиток на этой планете! Впрочем, в данном конкретном сосуде – непосредственно пива – содержится процентов семьдесят, не больше. Остальное – ленинградская водопроводная вода. Но, всё равно, хорошо...

Немного взбодрившись, они двигаемся к метро.

– Моя мать – революция! Мой отец – стакан портвейна! – во всю глотку вопил Лёха.

«Так вот, ты какая, жизнь студенческая!», – подумал Серый. – «Лично мне – нравится...».

Бабушка встретила его на удивление спокойно:

– Пей, внучок, молочко! Оно с похмелья – в самый раз будет...

Внучок и не спорил.

А с Лёхой на футбол они ходили совсем и недолго. Потому как – примерно через полтора года – его быстренько женила на себе одна весьма шустрая, но, безусловно, правильная девица. И стал Лёха-каратист образцовым и примерным семьянином – со всеми вытекающими последствиями...

Вот, вам, господа и дамы, превратности Судьбы! Жил себе парнишка на свете – анархист, хулиган, драчун, любитель портвейна, романтик законченный... А, ныне?

Ныне Лёха – профессор, доктор технических наук, червь бумажный, даже на футбол больше не ходит. Тьфу, да и только! Вот, что девчонки вытворяют с нашим братом...

Байка вторая

Введение в специальность.

Бур Бурыч и ротмистр Кусков

На жизненном пути каждого человека встречаются люди, воспоминания о которых всегда приятны и ожидаемы. Всегда, когда бы эти воспоминания ни постучались в потаённую дверцу твоего сердца.

Наступило время первой лекции, которая называлась громко и многообещающе – «Введение в специальность». Заранее – ведь, первая лекция – студенты РТ-80 собрались возле нужной аудитории.

Группа была чётко разбита на две половинки: вот – местные, ленинградские, а эти – приезжие, «общажные». Ленинградские ребята – почти все – щеголяли в джинсах: кто-то – в настоящих, кто-то – в болгарских и индийских. Иногородние же были одеты либо в стандартные школьные брючата, либо – в широченные клеши, уже года два-три как вышедшие из моды. Ну, и речь, естественно, отличалась – разными краевыми нюансами. Всякие там «оканья» и «аканья»....

Ленинградцы разместились по правую сторону от входа в аудитории, «общажные» студенты – по левую. Серый, если посмотреть с одной стороны, был местным, если же с другой – то приезжим. Но, поскольку он дружил с Лёхой-каратистом, то без особых раздумий прибился к ленинградским.

И, вдруг, из бокового коридора появилась неожиданная, по-книжному брутальная личность: среднего роста блондин с шикарным киношным пробором посередине модной причёски, обладатель тяжёлого, волевого, опять-таки – киношного – подбородка. Приметный парень был одет в чёрную классическую тройку и белоснежную рубашку со стоячим воротом. Кроме того, наличествовал шикарный галстук попугайской расцветки, и – нестерпимо блестящие, явно, импортные – туфли. На лацкане пиджака неизвестного пижона размещался стандартный ромб, свидетельствующий об окончании какого-то спортивного техникума. Рядом со скромным ромбом красовался громоздкий и солидный значок с гордой надписью – «Мастер спорта СССР».

– А это, что ещё за ферт такой? – достаточно громко, не таясь, спросил Лёха, никогда не отличавшийся особой тактичностью и трепетностью.

Ферт, оглядевшись по сторонам, мгновенно сориентировался и направился в нужную сторону. Подойдя вплотную и пристально глядя Лёхе в глаза, заезжий щёголь пальцами на лацкане пиджака – противоположном тому, где красовались вышеописанные регалии – начал изображать характерные знаки, вынесенные из отечественных фильмов об алкашах, мол, давайте-ка, сообразим на троих.

«Сюрреализм какой-то, мать его!», – непонимающе поморщился про себя Сергей. – «Ну, никак не вяжется строгая черная классическая тройка с такими плебейскими замашками!».

Впрочем, Лёху это обстоятельство ни капли не смутило, понимающе подмигнув блондину, он элегантно подхватил Серого под локоток и непринуждённо направился в сторону ближайшего мужского туалета.

В туалете брутальный ферт извлёк из брючного кармана бутылку коньяка (пять звезд!), за несколько секунд – крепкими белоснежными зубами – расправился с пробкой, невозмутимо опорожнил ровно треть, занюхал рукавом пиджака, и, протягивая бутылку Лёхе, представляется:

– Кусков, Мастер Спорта СССР по конной выездке, дипломированный спортивный тренер! К вашим услугам, господа!

Передавая друг другу бутылку, они допили коньяк. На безымянном пальце Кускова обнаружилось золотое обручальное кольцо.

«Эге! Да он же – в отличие от нас с Лёхой – совсем взрослый!», – отметил про себя Серый и спросил нового знакомого напрямик:

– Дяденька, а вас-то как занесло на эти галеры? Чем, собственно, обязаны таким вниманием?

– Видите ли, мой юный друг, сорока принесла на хвосте, что ЛГИ – заведение насквозь нормальное. Мол, принципы и традиции здесь соблюдаются по полной программе. А это – в наше скучное и лицемерное время – немало!

– Не, Кусков, ты это говоришь серьёзно? – восхитился непосредственный Лёха, – Про принципы и традиции? Ну, тогда ты – брат нам, и всё такое... Краба держи!

Кусков, обменявшись с Лёхой и Серым крепкими рукопожатиями, насторожился:

– Орлы, очень похоже, что дверь в аудиторию уже откупили. Слышите? А знаете, кто нас сегодня будет воспитывать? Сам Бур Бурыч. Лично! Вообще-то, на самом деле, его зовут – Борис Борисович. Но для своих, продвинутых – Бур Бурыч... Лучший бурильщик страны! В Антарктиде зимовал бесчисленное количество раз! Так что, почапали за мной – на первый ряд – не пожалеете...

Широко распахнулась дверь, и между рядами аудитории вихрем промчался-пролетел, размахивая потрёпанным портфелем, крепкий мужик в годах – только полы расстёгнутого пиджака разлетались в разные стороны.

Мужичок внешне немного напоминал Кускова: такой же плотный, челюсть-кувалда, разве что волосы были совершенно седыми, а на макушке располагалась аккуратная круглая лысина.

Знаменитый профессор пробежал в непосредственной близости, и чуткий нос Сергея, уже неплохо разбиравшийся в ароматах, свойственным крепким напиткам, однозначно просигнализировал, мол: – «Это – очень хороший коньяк. По-взрослому хороший! В отличие от того, который довелось употреблять – десять минут назад – в немьом сортире... Просто отличный! Потянет звёзд на пятнадцать, не меньше...».

Бур Бурыч взобрался на трибуну и – с места в карьер – начал уверенно излагать:

– Орлы! Рад вас всех видеть! Нашего полка – прибыло... Поздравляю! А вы представляете – хоть немного – куда попали? Знаете, что за «Эр Тэ» такое? Так вот, первым делом, хочу сообщить, что «Эр Тэ» – вещь совершенно особенная и, даже, неповторимая... Если говорить совсем коротко, то «Эр Тэ» – это «гусары» нашего славного Горного Института. Вот так, и ни больше, и ни меньше! Кстати, а какие правила гусары соблюдают неукоснительно и скрупулезно? Кто ответит?

Кусков тут же поднял руку.

– Прошу вас, молодой человек! Только – для начала – представьтесь, пожалуйста.

– Кусков, в душе – гусарский ротмистр! – пафосно объявил Кусков.

– Даже, так? Ротмистр? Безусловно, очень приятно, продолжайте...

– Ваш вопрос, уважаемый Борис Борисович, прост до невозможности. И ответ на него давно, ещё со времён Дениса Давыдова, известен широким народным массам. Во-первых, это – «гусар гусару – брат». Во-вторых, «сам пропадай, а товарища – выручай». В-третьих, «гусара триппером не испугаешь». В-четвёртых...

– Достаточно, Кусков, достаточно! – забеспокоился профессор, справедливо ожидая коварного подвоха. – Кстати, а что это вы, уважаемый ротмистр, вырядились – словно штатская штафирка? А?

– Сугубо из соображений конспирации, мон генераль! Что бы враги гнусные не догадались!

– Юморист хренов, – поморщился Бур Бурыч. – Если такой умный, то отгадай загадку. Двести три профессии, не считая вора. Кто это?

– Вопрос – говно, экселенц! – браво доложил слегка обнаглевший ротмистр. – Это, без всякого сомнения, полковник гусарского полка. Последним гадом буду!

На несколько минут профессор впал в транс, затем, ни на кого не обращая внимания, медленно достал из потрёпанного портфеля маленькую серебряную фляжку, отвинтил крышечку и, сделав пару глотков, устало произнёс:

– В философском смысле, вы, Кусков, безусловно, правы. Спасибо за откровенный ответ! Но, всё же, Горный Институт готовит вовсе не легкомысленных гусар. А совсем, даже, наоборот... Представьте себе: дремучая тайга, до ближайшего населённого пункта – километров сто, а, может, и поболее. Вертолёты, как назло, не летают ни хрена, погода-то нелётная. И стоят на ветру – сиротиночками позабытыми – копры буровых установок. Хлебушек закончился давно, голодно. Шестерёнка какая-то важная сломалась. Разброд и уныние царят в некогда дружном коллективе... Но план-то давать, всё равно, надо! Иначе денег не будет, да и злое начальство головы отвертит на фиг... И, вот, тогда на арену, под нестерпимый свет софитов, выходит наш главный герой – буровой мастер. Он и хлеба испечёт, и рыбки наловит в ближайшей речке, и на стареньком фрезерном станке выточит нужную шестерёнку, и паникерам разным – профилактики для – навалает по гнусным физиономиям. Короче говоря, отец родной для подчинённых, да и только! Если даже кто, не дай Бог, представится, он и похоронит по человечески, молитву – какую-никакую – прочтёт над свежей могилкой... Теперь, голодранцы, вам всё понятно – относительно перспектив на ближайшие годы? Ну, ясен пень, что «буровой мастер» – это лишь первая карьерная ступень. Но важная – до чёртиков! А «гусарство» – это так, для души и внутреннего комфорта, не более того... Вот, я, к примеру, профессор, доктор технических наук, лауреат разных премий. Только не греют эти громкие титулы! Горжусь же я – главным образом – тем, что лет десять тому назад полярники присвоили мне высокое звание – «Король алхимиков, Князь изобретателей». За что, спрашиваете, присвоили? Тут дело такое... В Антарктиде мы лёд не только бурим механическим способом, но – также – и плавим. А для этого процесса – чисто технологически – необходим питьевой спирт. Но на антарктических станциях начальство – как ему и полагается – умно и коварно. И, дабы предотвратить повальное пьянство, добавляет в спиртягу всякие, насквозь ядовитые примеси. То есть, разнообразную химическую дрянь... Каждая же новая смена, прибывшая на зимовку, считает своим святым долгом – за отведённый год – изобрести хотя бы один новый способ очистки спиртовой смеси. Тем более, что и начальство не дремлет, а так и норовит – применить новую химию. Ну, а изобретателю конкретному – почёт и всеобщее уважение... Я в Антарктиде побывал четыре раза, а новых способов очистки изобрёл – целых девять. Ясно вам, оглоеды? О чём это, то бишь, я толкую?

Бур Бурыч ещё долго рассказывает о всяких разностях – о горах Бырранга, о чукотской тундре, о южных пустынях, о принципах и традициях, об известных личностях, учившихся когда-то на РТ:

– Даже Иосиф Кобзон у нас отучился целый семестр, а потом – то ли Мельпомена его куда-то позвала, то ли с высшей математикой казус какой-то произошел... Что касается «Главного принципа», то это совсем просто. Всегда и со всеми – деритесь только с открытым забралом! С открытым забралом и без острого стилета – за голенищем ботфорта...

Лекция должна была длиться полтора часа, но прошло два часа, три, четыре, а студенты – как замороженные, позабыв обо всём на свете – внимали необычному профессору...

В самом конце выступления Бур Бурыч – то ли нечаянно вырвалось, то ли совершенно осознанно – произнёс, якобы между делом:

– В мои-то студенческие годы у «эртэшников» существовал ещё такой нестандартный обычай: первую стипендию – коллективно пропивать с шиком гусарским. Но тогда всё было по-другому: и стипендии поменьше, и народ поздоровее...

По тому, как понимающе переглянулись Кусков с Лёхой, Серый отчётливо понял: брошенные семена упали на благодатную почву, знать, будет дело под Полтавой...

Через месяц выдали первую стипендию, и подавляющее большинство студентов РТ-80 – во главе с доблестным ротмистром Кусковым – на несколько суток обосновались в общежитии: с гусарским шиком пропивать полученные деньги. На одного участника мероприятия пришлось – помимо скромных, но разнообразных закусок – по пятнадцать бутылок портвейна различных марок и названий. Совсем нехило.

Честно говоря, справиться с таким количеством спиртного было просто нереально, если бы не бесценная помощь старшекурсников. Они благородно и регулярно помогали салагам бороться с зелёным змием, приносили с собой гитары и душевно пели геологические песни. Например, такую:

На камнях, потемневших дочерна,
В наслоённой веками пыли,
Кто-то вывел размашистым почерком —
Я люблю тебя, мой ЛГИ.

Может, это – мальчишка взъерошенный,
Только-только – со школьной скамьи,
Окрылённый, счастливый восторженный,
Стал студентом твоим, ЛГИ.

Может, это – косички да бантики,
Да полнеба в огромных глазах,
Наконец, одолев математику,
Расписалась на этих камнях.

Может, это – мужчина седеющий
Вспомнил лучшие годы свои.
И как робкую, нежную девушку
Гладил камни твои, ЛГИ...

Многим первокурсникам это испытание оказалось, явно, не по плечу. Сергей вышел из игры на вторые сутки и поехал домой – к бабушке – отпаиваться молоком, кто-то сошёл с дистанции чуть позже. Но ударная группа коллектива, возглавляемая принципиальным ротмистром, героически сражалась до конца...

Через неделю Бур Бурыч пригласил всю группу на внеочередное собрание. Хмуро оглядев собравшихся, он – голосом, не сулившим ничего хорошего – начал разбор полётов:

– Только неразумные малолетки понимают всё буквально! Умные же и взрослые люди, они всегда тщательно анализируют полученную информацию. А затем корректируют её, учитывая реальную обстановку и собственные возможности. В противном же случае – получают сплошные нестыковки и насквозь неприятные последствия... Вот, в подтверждении моих слов, из милиции пришла интересная бумага. Медицинский вытрезвитель № 7 города-героя Ленинграда уведомляет, что 5-го октября сего года студент славного Ленинградского Горного Института – некто Кусков – был доставлен в означенный вытрезвитель в мертвецки-пьяном

состоянии, через три часа проснулся и всю ночь громко орал пьяные матерные частушки... Ротмистр, ваши комментарии?

– Не был. Не привлекался. Всё лгут проклятые сатрапы, – не очень-то и уверенно заявил Кусков.

– Выгнал бы я тебя, мерзавца, ко всем чертям, – мечтательно прищурится Бур Бурыч. – Да, вот, закавыка имеется: из того же учреждения поступил ещё один – бесконечно-милый – документ. В нём говорится, что всё тот же Кусков – 6-го октября сего года – был, опять-таки, доставлен в мертвецки-пьяном состоянии в вытрезвитель, где через три часа успешно проснулся и всю ночь напролёт читал вслух поэму «Евгений Онегин», естественно, в её матерном варианте исполнения... Ротмистр?

– Отслужу, кровью смою, дайте шанс...

– Ты, тварь дрожащая, у меня не кровью, а тонной пота солёного всё это смоешь! На производственной практике, в пыльных степях Казахстана, куда загоню я тебя безжалостно! – уже во весь голос заорал профессор, затем неожиданно успокоился и задумчиво продолжил: – За один вытрезвитель – выгнал бы, не ведая сомнений. Но, два привода – за двое суток? Это уже, однако, прецедент! А от прецедента – до самой натуральной легенды – только один шаг. Выгоню – к чертям свинячьим – героя легенды, а потом совесть замучит... Но с пьянкой, шпана подзаборная, будем заканчивать. Всем выйти в коридор и прикрыть за собой дверь! Там дождитесь дальнейших указаний. А вы, Кусков, оставайтесь...

Ротмистр, провожая друзей-товарищей грустным взглядом, пробормотал себе под нос:

Пошлите же за пивом – денщика!
Молю вас, о, прекрасные гусары!
А почему вы – в серых галифе?
И для чего вам – чёрные дубинки?

Студенты РТ-80, чуть слышно пересмеиваясь, вышли в коридор и, не сговариваясь, замерли возле замочной скважины. Из-за дверей доносилась отборная матерная ругань, раздавались глухие неясные шлепки и жалобное оханье...

Минут через десять-двенадцать в коридор неуклюже вывалился Кусков. Одно его ухо было ярко-рубиновым и формой напоминало обыкновенный банан, другое же представляло собой небольшую, тёмно-фиолетовую тарелку.

– Чем же это он тебя лупцевал, стулом, что ли? – заботливо поинтересовался Лёха.

– Ну, что ты! – улыбаясь, как ни в чем не бывало, ответил ротмистр. – Разве можно – бить советских студентов? Так, только за ухо потаскал слегка. Причём, сугубо по-отечески...

«Эртэшники» принялись неуверенно хихикать. Кусков, неожиданно став бесконечно-серьёзным и строгим, заявил:

– А теперь, эскадрон, слушай команду Верховной ставки! С крепкими напитками – крепко завязать! Кроме, понятное дело, исключительных случаев. В мирное время разрешается только пиво... К исключительным случаям относятся: дни рождения – свои и друзей, свадьбы – свои и друзей, рождение детей – своих и у друзей, похороны – свои и друзей, а также – успешная сдача отдельных экзаменов и сессии в целом, начало производственной практики и её успешное завершение. Всем всё ясно, оглоеды?

– Да, уж, не тупее тупых! – понятиливо откликнулся Лёха. – Кстати, о пиве... Поблизости располагается три пивных бара. «Петрополь» – ерунда полная, там всё время тусуются ботаники из Университета. «Бочонок» – весьма почётное заведение, туда иногда заглядывают очень авторитетные пацаны. Например, Гена Орлов и Миша Бирюков. Только «Бочонок», он очень маленький – для нашей большой компании... А, вот, «Гавань», пожалуй, будет нам в самый раз. Там имеется целых два зала, просторно, даже в футбол запросто можно играть.

Курсанты из Макаровки, правда, держат в «Гавани» мазу. Но, ничего, прорвемся! Как, замётано? Тогда – за мной!

Дружной и весёлой толпой, под неодобрительными взглядами прохожих, они двинулись к «Гавани». Впереди следовал ротмистр – верхом – как и полагается истинному гусару. На Лёхе, естественно, как на самом здоровом и выносливом...

Вот, такие педагоги жили в те времена – с решениями нестандартными и сердцами добрыми.

Бур Бурыч умер несколько лет назад. На похороны приехало народу – и не сосчитать. Шли толпой громадной за гробом – малолетки, и сединой уже вдоволь побитые – и рыдали... Словно детишки неразумные, брошенные взрослыми в тёмной и страшной комнате, на произвол беспощадной и всемогущей Судьбы...

Байка третья

Рыбалка – как философский аспект мироощущения

Для кого-то рыбалка – отдых, для кого-то – спорт.

А для нормальных людей – это, в первую очередь, возможность немного пофилософствовать в тишине, или, если немного иначе:

Лишь не забыть бы в суете —
Остановиться, оглянуться...
На том безумном вираже,
Иль на сто первом этаже,
Где нам дозволено проснуться.
Лишь не забыть бы – в суете...

– Вот, и закончен первый курс! Зимняя сессия успешно сдана! Слава всем Богам земным: новым, старым, модным, давно забытым! Мы, не смотря ни на что, прорвались! Ура!!! – торжественно объявил ротмистр Кусков, неожиданно для всех заделавшийся старостой группы. – В августе – в строгом соответствии с Учебным планом – состоится учебная же практика. Добро пожаловать, дорогие мои, в солнечный Крым! А пока – на весь июль месяц – объявляются каникулы!

Сергей решил, прихватив с собой кого-нибудь из приятелей, съездить на свою вторую Родину, то бишь, на Кольский полуостров, порыбачить. Сопровождать его вызвался Витька – по прозвищу Толстый – пацан свой в доску. Ростом Витюша был под два метра, здоров – как буйвол африканский, в институтском спортзале так жонглировал двухпудовыми гириями – легендарный Иван Поддубный обзавидовался бы. Вообще-то, Толстый – по жизни – являлся сугубо городским жителем: краснощёким и слегка изнеженным очкариком, да и на рыбалке не был ни разу. Но, ведь, когда-то надо начинать? Почему, собственно, не прямо сейчас, не откладывая дела в долгий ящик?

Через сутки они успешно прибыли в маленький посёлок Полярные Зори. Знакомые мужики Сергея согласились доставить ребят до Долгого озера.

Старенький, выдавший виды «Урал» надсадно взвыл, наполняя всё вокруг вонючим чёрным дымом, и тронулся с места. Через час они миновали припортовый городок Кандалакшу, впереди замаячил дальний перевал.

– Крестовский перевал – ранней весной и поздней осенью – место по-настоящему страшное. Бьются там машины – десятками за один раз, – объяснял Серый приятелю. – Представь себе картинку. Внизу ещё тепло, а на перевале – минус. Утром выпали всякие осадки: ленивый дождик прошёл, например, или просто туман превратился в росу. Вот, ловушка и готова.... Идёт на Крестовский перевал колонна гружёных лесовозов, держа между машинами приличную дистанцию. И, вдруг, передний автомобиль выезжает на гололёд, но пока ничего – со скрипом – проезжает. За ним двигаются остальные. А метров через двести пятьдесят гололёд превращается в самый натуральный лёд, передний лесовоз начинает неуклонно скатываться вниз, прямо под колёса второму. Тому тоже деваться некуда, начинает сдвигаться вниз. Но сдают-то машины назад не строго по прямой линии, косоротит их, родимых, постоянно, разворачивает поперёк дороги.... А тут – как назло – с перевала спускается одиночная вахтовка, не затормозить ей на льду. Вот, она и врежется – на полном ходу – в один из лесовозов. Секунда-другая, и покатались все вниз – со страшной силой. Огненная полоса потом видна километров за десять-

пятнадцать... Потом перевал закрывают на пару суток, и ремонтники старательно очищают дорогу от обгоревшего железа. И так случается – несколько раз за сезон...

– А, как же мы? – насторожился Толстый. – Не превратимся, часом, в обгоревшие головешки?

– Не, не должны. Сейчас, ведь, лето стоит на дворе. Поэтому должны преодолеть перевал легко, как говорится, играючи. А за ним уже тянется знаменитый Терский берег – северная граница беломорского побережья.

– Лётчики между собой называют этот перевал «Барыней», – для чего-то сообщил водитель «Урала». – Мол, сверху всё это слегка напоминает спящую грудастую бабу, лежащую на спине...

Наконец, машина выехала на перевал. Справа хорошо просматривался широкий залив Белого моря с многочисленными длинными островами, вытянутыми с юго-запада на северо-восток. Слева сверкала на солнце зеркальная гладь большого озера. Прямо по курсу была отчётливо видна узкая неровная полоска земли, зажатая между морем и озером, по которой и змеилась дальше их раздолбанная грунтовая дорога...

Съехав с Крестовского перевала вниз, они – возле безымянной речушки – сделали плановую остановку. Шофёр тут же завалился спать, остальные мужики немного выпили – так, чисто формально, ведь до Избы (так называлась конечная точка их маршрута), предстояло ещё грести часов семь-восемь на надувных лодках.

Хорошо было вокруг, речушка журчала негромко и ласково, в ней усердно плескалась мелкая рыбёшка, жужжали редкие комарики... Неожиданно выяснилось, что Толстый – для комаров – лакомое блюдо. Облепили они его румяную физиономию и принялись кусать, то бишь, пить кровушку, не обращая на других рыбаков никакого внимания.

– Видимо, распознали-распробовали городского фрэера, – широко зевая, предположил проснувшийся водитель «Урала»

Витька принялся бегать по речному берегу, бестолково размахивая руками. Его лицо страшно распухло, даже очки сваливались с раздувшегося вдвое носа. Рыбаки незлобиво посмеивались:

– Ну, Серёга, повезло тебе с напарником! Не рыбалка, а цирк сплошной намечается у вас впереди...

Через несколько часов усталый «Урал» остановился на берегу нужного водоёма. Ширина Долгого озера не превышала девятисот метров, а в длину оно вытягивалось – с северо-востока на юго-запад – на сто десять километров. Красиво было вокруг – просто несказанно. Над противоположным берегом озера нависали крутые невысокие сопки, покрытые редколесьем, далеко на юге – через белоснежные кучевые облака – смутно угадывалась горбатая, совершенно лысая Иван-гора. На озере царил полный штиль, вода отливала тусклым серебром, далеко впереди быстро передвигалась, словно бы живая, полоса цветного тумана – местами розового, местами – лилового.

Оперативно накачав лодки, они погребли, держа курс на Избу. Витька уверенно уселся на вёсла, но уже через двадцать минут успешно набил на ладошках кровавые мозоли и из игры выбыл. Дальше Сергею пришлось грести уже в одиночку, поэтому к месту назначения они прибыли последними, затратив на маршрут – вместо принятых восьми часов – на полчаса больше.

У Избы неожиданно выяснилось, что рыбачить на Долгом озере студентам предстоит одним, так как мужики, посоветовавшись, решили пойти дальше – на речку Умбу – «браконьерить лохов».

Для тех, кто не знает, «лох» – в своём первоначальном значении – это и не человек вовсе, а сёмга, зашедшая поздней осенью в реку, успешно отнерестившаяся, но не успевшая вовремя

уйти в море. Презимовав в проточном озере, через которое проходит нерестовая река, такая рыба из «красной» превращается в «жёлтую», да и во вкусовых качествах значительно теряет. Но, всё же, как считают местные жители, лучше уж ловить лохов, чем всякую там сорную рыбу – плотву, окуня, щуку...

Сергея и Толстого мужики решили с собой не брать, мол, очень опасно, то бишь, рыбинспекция не дремлет. Мужикам-то что, они местные, всегда договорятся с инспектором. А городских студентов, если поймают, то – на первый раз – конечно же, не посадят, но непременно отправят соответствующую бумагу в институт: запросто можно вылететь из ВУЗа – прямиком в славную советскую армию...

Ребята остались на озере одни. Тщательно убрались в Избе, заготовили впрок сухих дров. Изба – место особенное: приземистый пятистенник, выстроенный ещё в незапамятные времена из солидных сосновых брёвен, с крышей, сработанной из толстенных, перекрывающих друг друга деревянных плах – никакого тебе рубероида или толи. Над входной дверью был вырезан год постройки – 1906-ой. Внутри располагались просторные двухуровневые нары (человек десять можно было разместить с лёгкостью), печь, сложенная из дикого камня, массивный обеденный стол с разнообразной посудой, пяток самодельных табуретов. Слева от стола к бревенчатой стене была прибита широкая полка, а на полке обнаружился антикварный кожаный скоросшиватель, плотно забитый разномастными бумагами и бумажонками.

Серый, будучи человеком любопытным, открыл скоросшиватель на последнем листе, в смысле, на первом – по мере наполнения документами.

На пожелтевшей от времени гербовой бумаге, украшенной неясными водяными знаками, косым убористым почерком было выведено – тёмно-фиолетовыми блёклыми чернилами:

Былой отваги времена
Уходят тихо прочь.
Мелеет времени река,
И на пустые берега
Пришла хозяйка Ночь.

И никого со мной в Ночи.
Кругом – лишь сизый дым.
И в мире нет уже причин
Остаться молодым...

Поручик Николай Синицын, втрое июля 1920-го года.

– Да, впечатляет! – задумчиво усмехнулся Витька. – Непросто оно, наверное, было. В смысле, после революции.... Серёга, а что написано на самой последней, то есть, на верхней бумажке?

На неровно-обрезанном куске обоев «в цветочек» значилось:

Над моим сердцем – профиль Че Гевары,
Впереди – долгий путь.
Пойте, звените в ночи гитары,
Им не давая уснуть.

Жирные свиньи в гламурных одеждах
Жадно лакают бордо.
А на закуску я им, как и прежде,
Предложу лишь говна ведро.

Папка Мыррин, десятый класс, двадцать первое мая, 1981-ый год.

– Ага! Это, уже, наши люди! – обрадовался Серый. – Но, судя по всему, революционные идеалы живы до сих пор... А данный скоросшиватель, наверное, является своеобразным литературным дневником гостей, посетивших Избу. Ладно, учтём! Когда будем уезжать, то тоже чиркнём пару строк. Пока же с лирикой надо заканчивать, пора рыбу ловить...

Рыбу Сергею пришлось ловить одному: Витька по-прежнему был не в ладах с комарами. Сидел всё время в Избе и листал скоросшиватель. А если и выходил на свежий воздух, то сугубо с парой предварительно-наломанных берёзовых веников – отбиваться от гнусных насекомых.

На пятые сутки, когда Серый собирался отплывать за очередной порцией добычи, к лодке подошёл Толстый и, усердно работая вениками, хмуро забубнил, жалко хлюпая распухшим носом:

– Слышь, Серёга, а я, похоже, заболел очень серьёзно. Выбираться нам надо отсюда, причём, в срочном порядке. Типа – к доктору...

– Что, боишься, что от комариных укусов в носу началась гангрена? – Сергей попытался отделаться плоской дежурной шуткой.

– Нет, всё гораздо серьёзней! Я это... Ну, как сказать... С тех пор, как сюда приплыли, ещё ни разу, э-э-э, «по большому» не сходил, вот. Такого со мной никогда не случалось. Никогда! Я же с самого детства приучен к режиму: два раза в день – утром и вечером. А тут, такое... Давай-ка, пока ещё не поздно, сдёргивать отсюда к чёртовой матери! В смысле, к доктору...

Добрые полчаса пришлось потратить Серому, чтобы хоть немного успокоить расстроенного приятеля. Пришлось, даже, прочитать целую научно-популярную лекцию. Мол, человеческий организм на рыбалке потребляет гораздо больше энергии, чем в городе, то есть, работает на принципах безотходного производства...

Витька – в конце концов – немного успокоился, заметно повеселел и, даже, выразил горячее желание – лично принять участие в рыболовном процессе. Взяв удочку, он резво запрыгнул в лодку, не забыв, впрочем, прихватить с собой и веники.

Первым делом они проверили жерлицы, успешно сняв с тройников пару килограммовых щурят. А на последней, самой дальней «рогатке» сидел огромный, почти семикилограммовый язь.

Рыбина без боя сдаваться не собиралась и, пытаясь порвать толстую леску, делала сумасшедшие метровые свечи. Витька, позабыв обо всех своих бедах и болячках, азартно помогал затаскивать язя в лодку, громко кричал и хохотал на всё озеро. В конечном итоге – в пылу жаркой борьбы – с его распухшего носа слетели очки и упали за борт. После того, как оглушённая рыбина затихла в мешке, Серому пришлось раздеваться догола и лезть за очками в воду, благо было не особенно глубоко, метра полтора.

Найдя пропажу и слегка обсохнув, Сергей направил лодку к заранее прикормленному месту – «по-чёрному драть плотву». Но, не тут-то было, Витька опять вспомнил о назойливых комарах. После этого к удочке он даже не прикасался, усердно и методично размахивая вениками. Заякорённая лодка принялась бойко раскачиваться из стороны в сторону, от неё – по сторонам – пошли заметные волны, рыба, естественно, не клевала.

– Ну, и какого рожна ты попёрся со мной? Чтобы распугивать рыбу? Сидел бы себе на берегу и махал бы там вениками! – сердито отчитывал Сергей Толстого.

– Извини, брат, но здесь комаров гораздо меньше, – тусклым и бесцветным голосом оправдывался Витька, от недавней весёлости которого не осталось и следа...

Следующим утром Серый решил пожалеть товарища, тем более, что рыбы – на тот момент – было поймано килограммов пятьдесят, большая её часть уже просолилась и ещё с вечера была вывешена – на специальной верёвке – подвешиваться на ветру.

– Сегодня будем добывать сига! – объявил Сергей. – Эта рыба ловится только на глубине, на самой середине озера, где дует сильный ветер, и комаров нет совсем...

Толстый был безмерно счастлив, и, даже, наплевав на свои, ещё не до конца подсохшие мозоли, вызвался грести. Рыба ловилась откровенно плохо, но Витька возвращаться на берег отказывался наотрез. Наоборот, его потянуло на глупые разговоры:

– Серёга, а на РМ девчонка есть одна, Нинкой зовут. Знаешь? Правда, она симпатичная? Причём, до полной невозможности?

«Странный тип – Витька», – подумал Серый. – «Ну, какие ещё девчонки, когда времени ни на что не хватает? И учиться надо, и подработать там-сям, и с Лёхой на футбол-хоккей ходить, да ещё – с ротмистром Кусковым – пивко от пуза потреблять иногда. Откуда взять время на девчонок? Чудак Витька, право...»

Толстый, столкнувшись с полным непониманием, обиженно замолчал, хмуро уставившись на неподвижный поплавок.

Прошло три с половиной часа. Вдруг, выяснилось, что отсутствует одно из вёсел.

«Это Витька, гребец хренов, вёсла толком не закрепил, вот, одно и уплыло. Причём, неизвестно куда, ветер-то сильный и переменчивый», – огорчился про себя Сергей. – «Правда, волна идёт к нашему берегу, может, ещё и найдём...»

Не теряя времени, они оперативно снялись с якоря и начали сплавляться по ветру, внимательно всматриваясь в волны. Но всё было бесполезно, весло так и не нашлось: то ли утонуло, то ли наглые волны затащили его в прибрежный коряжник.

Орудия – как заправский индеец – одним веслом, Серый, всё же, довёл лодку до Избы. А выбравшись на берег, попытожил:

– Дрянь дело! Сделать самодельное весло из куска фанеры и молоденькой осины – не штука. Но и эта надувная лодка, и вёсла – чужие, мой папаша взял попользоваться у кого-то из своих друзей. Следовательно, быть крутому скандалу! Как бы – ненароком – без ушей не остаться...

Наступила суббота. Над водной гладью разнёсся громкий молодецкий посвист – это подплывал Серёгин папаня с компанией: и сына с приятелем забрать, и самим порыбачить, разумеется...

Из приставшей лодки на берег неуклюже выбрался – с большой и тяжёлой корзиной в руках – Хрусталёв-старший.

«Зачем ему, спрашивается, корзина, если грибной сезон, вроде, ещё не начинался?», – удивился Серый и тут же честно признался:

– Папа, а у нас приключилась неприятность: лодочное весло утонуло...

– Какое, в конское задницу, весло? – папаня, явно, уже слегка «принял на грудь». – У моего сына – у тебя, значит – сегодня день рождения. Восемнадцать лет! Совершеннолетие, то бишь. Отставить – все и всякие вёсла! Иди сюда, сынок, поцелую...

«Действительно, блин горелый! Сегодня же – мой день рождения!», – вспомнил Сергей. – «С этой рыбалкой и забылось...»

День рождения, естественно, отпраздновали. Мужики пили, как и полагается в таких случаях, водочку, Серый с Витькой – по малолетству – портвейн «Агдам».

Уже перед самым отъездом (то есть, перед отплытием), Сергей и Витька вставили в кожаный скоросшиватель замызганный лист оберточной бумаги – с зафиксированным на нём совместным поэтическим опусом:

Говорят, что можно жить
Как-то по-другому.
На рыбалку не ходить,
Вечно жаться к дому.

На завалинке сидеть
С другом старым Толькой.
Вечерами песни петь.
Говорят – и только.

Рыбалка закончилась. Они вернулись в Ленинград, собрали в «Гавани» друзей-приятелей, и – под море пива – успешно слопали и почти семикилограммового язя, и ещё всякой другой сорной рыбы – без счёта...

Сейчас Витька заявляет, что, мол, с той самой поездки он и стал заядлым рыбаком. Только смотря, что понимать под этим термином. Ну, разжился Толстый деньгами, купил яхту – метров, наверное, двенадцать длиной – оснащённую эхолотом и прочими современными наворотами. Приобрёл спиннинги дорогушие, воблеры и блёсна – в количествах немереных. Собрал нехилую коллекцию различных импортных средств от комаров и прочих кровососущих мошек...

Всё это, конечно, хорошо и мило. Но – только – какое отношение имеет к рыбалке? Я так думаю, что абсолютно никакого.... Настоящая рыбалка – это философская субстанция, способствующая лучшему мироощущению и не терпящая суеты и избытка назойливого комфорта. Не более того...

Байка четвёртая Не спорьте с дамами, гусары!

Ещё незабвенный Денис Давыдов – в своё время – говорил о женском коварстве. Предупреждал, советовал неустанно бдить, ухо остро держать, постоянно сторожиться... Да, что толку с тех советов? Ловушки женские хитры, лукавы и изобретательны. Нет от них спасения! А гусары, они как зайчики маленькие – наивны и доверчивы...

В августе студенты ЛГИ, перешедшие на второй курс, поехали на практику в Крым – учиться составлять и чертить геологические карты, разбираться в разных камушках, собирать и классифицировать всякие хитрые палеонтологические штуковины.

Поезд тащился невероятно медленно и долго, почти трое суток. Но за преферансом, как общеизвестно, время летит гораздо быстрее, почти незаметно...

В шесть утра железнодорожный состав с практикантами и практикантками успешно прибыл в город Бахчисарай.

– Главное, никого не забыть! – командовал ротмистр Кусков. – Дружно разбегаемся по купе! Будим заспавшийся народ, безжалостно расталкиваем и выгоняем с вещами на перрон!

Вновьприбывших встретил Виталь Витальевич – начальник учебного лагеря. Отвёл к автобусу, построил, а, тщательно пересчитав, всерьёз забеспокоился:

– Товарищи практиканты! Вас по списку должно быть ровно сорок человек, а по факту получается тридцать девять. Где потеряли ещё одного бойца? Кого не хватает?

– А, действительно, кого? – заволновались студенты.

Вдруг, со стороны поезда показалась странная, прямо-таки сюрреалистическая фигура: белоснежный костюм, чёрный цилиндр, элегантная тросточка. Неизвестного франта слегка пошатывало из стороны в сторону, с первого же взгляда было понятно, что он пьян до полного изумления.

– Вы, извините, кто? – вежливо поинтересовался Виталь Витальевич.

– Как это – кто? – искренне возмущился незнакомец, – Пушкин я, Александр Сергеевич! Собственной персоной! Не узнали, батенька? Стыдно должно быть, ей-ей...

Начальник лагеря, окончательно сбитый с толка, засмутился и потерянно замолчал.

– Ерунда получается какая-то, – тихонько зашептал Серому в ухо стоящий рядом Витька. – Этот дяденька, действительно, очень похож на Александра Сергеевича: смуглая кожа, чёрные кудрявые волосы, пышные бакенбарды, длинный нос...

Неожиданно за их спинами раздался громоподобный хохот – это ротмистр, завалившись на землю, бился в весёлом экстазе. Отсмеявшись, Кусков поднялся на ноги, старательно отряхнул одежду от серо-жёлтой крымской пыли и буднично объяснил:

– Это он и есть, в смысле, потеряшка наш, который сороковой по списку. Петька Воронин, короче говоря... Не узнаете, что ли? Он просто усы сбрил, а бакенбарды, наоборот, припилил. Ещё и чёрным цилиндром где-то разжился, ухарь сообразительный! А чёрные кудри и длинный нос, они его собственные, природные...

– Действительно, Петька! – присмотревшись, восхищённо охнул Толстый. – Молоток! Классная шутка получилась!

Воронин же, пользуясь тем обстоятельством, что водитель автобуса куда-то отлучился на минутку, незаметно залез на шофёрское место, и, крепко обняв руль, забылся мертвецким сном. Извлечь Петьку из-за руля удалось не скоро...

– Начинается, – тоскливо ворчал Виталь Витальевич, – Всё, как всегда! Приезжает гадкое «Эр Тэ» и тут же демонстрирует свои разнузданные фокусы. Из серии – мама не горюй...

Через два с половиной часа автобус привёз «эртэшников» в учебный лагерь. Там их уже ждали: будущие геологи и гидрогеологи прибыли на практику на две недели раньше. Толстый Витька, близоруко щурясь, пристально всматривался в толпу встречающих – Нинку высматривал, не иначе...

– Устраиваемся, разбиваем палатки, выясняем диспозицию: – «Сколько километров до ближайшего населённого пункта? Где можно купаться? Что с культурной жизнью?», – велел ротмистр Кусков. – Всю полученную информацию докладывать мне лично!

Как вскоре выяснилось, с диспозицией всё складывалось просто отлично и замечательно. До посёлка городского типа, оснащённого приличными магазинами, было всего-то километра три с половиной. До большого квадратного пруда с проточной водой – метров сто пятьдесят. Да и с культурной жизнью никаких проблем не наблюдалось: каждый вечер на двух, тщательно сшитых вместе простынях демонстрировали – с помощью старенького киношного аппарата – разные художественные фильмы, а после фильмов имели место быть танцы и песни у костров.

Через пару дней «эртэшники» начали ходить в утренние маршруты – добывать разную геологическую информацию, собирая образцы горных пород и всякие древние окаменелости. Крым – он весь жёлто-синий, с редкими зелёными вкраплениями: жёлтые скалы с островками зелёного кустарника, синее небо, жёлтое злобное солнце прямо над головой...

К двум часам пополудни они – усталые, обгоревшие на солнцепёке, пропахшие едким потом – возвращались в лагерь. Сразу же лезли в прохладный пруд, потом обедали – самой обычной столовской едой. После обеда работали в камералке. То есть, занимались противной бумажной волокитой, описывая то, что увидели утром, и то, что удалось собрать в геологические планшеты. Ну, естественно, присутствовала и насыщенная вечерняя программа: кино, танцы-шманцы, костры, песенки, употребление – но, сугубо в меру – местных, достаточно неплохих вин...

И в этот момент руководство лагеря совершило (нечаянно, надо думать) фатальную ошибку, «прокрутив» перед студентами – в один из безоблачных вечеров – идеологически-невыдержанное кино. Ну, совершенно идеологически-вредоносное...

Этот провокационный фильм называется – «Дюма на Кавказе». В чём его глубинная суть – совершенно неважно, важен всего лишь один короткий эпизод. Дюма – то ли сын, то ли отец – горячо спорит со старым грузином, мол: – «Кто может выпить больше вина – француз, или грузин?». Естественно, что для разрешения спора они устраивают соревнование, то есть, пьют вино – наполненными до краёв бокалами – под всякие заковыристые и красивые тосты. С экрана это звучало примерно так: – «И они выпили за французов и француженок, за грузин и грузинок, за доблесть и мужество, за любовь и верность любви, за синие дали и за звёздное небо над головой... И за каждую звезду – в отдельности...».

Последнее высказывание-тост всем особенно понравилось. А звёзд в ночном крымском небе, как известно, ничуть не меньше, чем в ночном небе над горами Кавказа. Поэтому и количество ежевечерне выпиваемого вина тут же удвоилось, или, даже, утроилось...

Громче зазвучали песни у ночных костров. Пели разное: песни бардов известных и доморощенных – про далёкие походные стоянки и верную любовь, про нелёгкую судьбу геолога и крепкую мужскую дружбу... Но одна песня пользовалась особой всеобщей любовью, хотя, к геологии никакого отношения и не имела:

Наш фрегат давно уже на рейде,
Спорит он с прибрежною волною.
Эй, налейте, сволочи, налейте!
Или вы поссоритесь со мною...

Сорок тысяч – бед – за нами следом,
Бродят – словно верная охрана.
Плюньте, кто на дно пойдёт последним,
В пенистую морду океана.

Эх, хозяйка, что же ты, хозяйка?
Выпей с нами – мы сегодня платим.
Отчего же вечером, хозяйка,
На тебе – особенное платье?

Не смотри – так больно и тревожно!
Не буди в душе моей усталость.
Это совершенно невозможно,
Даже – до рассвета – не останусь...

Смит-Вессон, калибра тридцать восемь,
Верный, до последней перестрелки.
Если мы о чём-нибудь и просим,
Это, чтоб, подохнуть не у стенки.

Прозвучало – эхо, эхо, эхо....
Эй, вы, чайки-дурочки, не плачьте!
Это – задыхается от смеха
Море, обнимающее мачты....

Наш фрегат давно уже на рейде,
Спорит он с прибрежною волною.
Эй, налейте, сволочи, налейте!
Или вы поссоритесь со мною...

Эту песню не просто пели. Её орали в двести лужёных глоток – раз по пять-шесть за ночь. Орали так, что оконные стёкла в ближайшем населённом пункте, что расположился в трёх с половиной километрах от лагеря, дрожали нешуточной дрожью. Феномен, да и только...

В один из вечеров Серый шагал по направлению к камералке: возникла срочная необходимость привести в порядок разные отчётные документы-бумаги. Пригляделся, а чуть сбоку от тропы стоял начальник учебного лагеря и, раздвинув кусты боярышника, наблюдал за кем-то (или за кем-то?) в мощный полевой бинокль. Наблюдал и тихонько ругался сквозь зубы:

– Все люди – как люди.... Ну, выпивают, конечно, не без этого. Но, ведь, бутылками же....

А эти козлы решили – бочонками. Сволочи наглые....

– Виталь Витальевич, на кого это вы так? – Сергей не удержался от любопытства.

– А, вот, Серёжа, полюбуйся на своих приятелей! – начальник лагеря протянул бинокль.

Заглянул Серый в оптические окуляры и мысленно усмехнулся: – «Ба, знакомые все лица! Это же Генка Банкин, Михась и Гарик натужно катят в гору пузатую бочку с вином, литров на сто, наверное, никак не меньше. Орлы, одно слово!».

Возвращая бинокль, он попытался немного успокоить излишне взволнованного собеседника:

– Не, Виталь Витальевич, я их, безусловно, не одобряю! Но, что тут поделаешь? Надо было более тщательно подбирать репертуар художественных фильмов, однако...

– Да, теперь уже ничего поделаться нельзя... Не в стукачи же записываться на старости лет? – окончательно загрустил начальник лагеря и шаркающей походкой удалился к преподавательским домикам, что расположились в устоявшемся десятилетиями удалении от студенческого лагеря.

Подошёл Серый к камералке и невольно замедлил шаг: со стороны скамьи, что пряталась в густых зарослях кизильника, доносился чей-то залиvistый смех.

«Видимо, кто-то из наших гусар общается с какой-нибудь симпатичной гидрогеологической девицей», – решил он и, дабы не мешать людям, постарался идти дальше абсолютно бесшумно.

Но, очевидно, «абсолютно бесшумно» – не получилось.

– Эй, Серёга, подойди-ка на минутку! – окликнул его звонкий девичий голос.

На скамейке сидели Толстый Витька и Нина.

«Ну, чисто парочка влюблённых голубков!», – ехидно хмыкнул про себя Серый. – «Витька ужасно серьёзен и сосредоточен, а Нинка, наоборот, демонстративно беззаботна и весела... К чему бы, интересно, такие метаморфозы?».

– Представляешь, Серёжа, – радостно объявила девушка, – а мне Толстый – только что – «Жигули» проспорил!

– Как же это произошло? – Серый поинтересовался сугубо из вежливости, прекрасно понимая, что спор этот – так, просто предлог для чего-то совершенно другого, более серьёзного.

– Витька нагло заявил, что, мол, женится только после того, как ему исполнится тридцать лет. Пospорили, естественно... Теперь, если женится раньше, то машина моя. Так что, готова – принимать дружеские поздравления!

– Ты это..., не торопилась бы, – не очень-то и уверенно встрял в разговор Толстый, – Может, это я ещё выиграю...

Но Нинка его уже не слушала. Она задумчиво глядела на дорогу, словно бы ожидая, что из-за поворота – вот-вот – покажется выигранная машина её мечты.

Толстый, не смотря на то, что внешне выглядел натуральным бугаём, в студенческой группе РТ-80 был самым младшеньким, ему восемнадцать лет исполнялось только в предстоящем ноябре. Но, вот, проходит ноябрь, и сразу же после Нового Года Витька с Ниной подали заявление в ЗАГС, а по ранней весне и свадьбу сыграли.

«Спорить с девчонками – последнее дело!», – решил для себя Серый. – «В том смысле, что проспоришь – в любом раскладе...»

Не спорьте с дамами, гусары,
Как кролика – поймают в миг.
И лишь душевные пожары —
Как отголоски тех интриг.

И скоро свадьба, и Свобода
Прощаясь, ластится у ног.
И, чу – коварная природа
Подводит юности итог...

Байка пятая Старый ржавый обрез

Ещё пять суток назад они блаженствовали в Крыму: нежились на солнышке, пили благородные крымские вина, танцевали с девчонками, пели песни у ночных костров. И, вдруг, нудные и затяжные дожди, непроходимая слякоть, заброшенная деревушка где-то в самой глубинке Новгородской области... Это тогда называлось – «поехать на картошку». Мудры в те славные времена были педагоги: контрасты – дело великое. Только дерьма нахлебавшись вдоволь, начинаешь ценить хорошее, беречь его рьяно и трепетно...

Из отдохнувших в Крыму студентов сформировали ударную бригаду: тридцать пять буровиков и пятнадцать девчонок – сборная солянка с разных факультетов. Бригадиром Бур Бурыч назначил ротмистра Кускова – смывать позор вытрезвителя:

– Там, как я слышал, будет организовано какое-то соревнование. В нём чуть ли не сто бригад из разных ВУЗов будут участвовать, мол, кто картошки больше соберёт. Так что, дорогой ротмистр, без почётной грамоты или диплома какого-нибудь победного – на глаза мне даже не показывайся... Усёк, бродяга?

Кусков проникся и развёл такую агитацию – легендарный Павка Корчагин обзавидовался бы...

Студентов доставили на двух автобусах до безымянной деревни, лет десять-двенадцать уже как полностью нежилой. На стареньком грузовичке колхозники – по доброте душевной – подбросили разных гвоздей, пилы, топоры, цемент, оконные стёкла и дали двое суток на обустройство.

Повезло ещё, что в РТ-80 учился Михась – единственный на весь дружный коллектив коренной деревенский житель, родом из далёкой приволжской деревушки, носившей нежное и поэтическое название – «Матызлей». Под руководством Михася они и привели в божеский вид три самых крепких на вид избушки: одну для девиц, две – для себя. Стёкла вставили в рамы, двери повесили на петли, печки подмазали, баньку привели в божеский вид. Даже залезли в глубокий колодец и почистили его капитально, дабы с чистой водой не было никаких проблем.

Вечером Михась всем желающим и лекцию прочёл – про основные принципы правильного «укутывания» деревенской печки:

– Если, на, заслонку раньше времени закрыть, на, когда угли ещё с синевой, на, то угоришь к утру обязательно, на. Закрывать, на, надо только тогда, когда, на, уголь розовый, без синевы и черноты, на. Поняли, на? Но и зевать, на, не надо. Позже, чем надо, на, печь укутаешь, на, к утру она остынет полностью, на, задубеешь совсем, на... Усекли, на?

Девицы, естественно, полностью не усекли. То есть, побоялись угореть и заслонку закрыли, только когда все угли окончательно потухли. К утру их печка остыла, появились первые простуженные.

На Сергея тоже – абсолютно неожиданно и внезапно – свалилась нешуточная неприятность: коварный Кусков – письменным строгим приказом – назначил его поваром.

– Девицы-то у нас все городские, изнеженные, ничего толком не умеющие. Нет им моей бригадирской веры! Обязательно подведут, причём, в самый ответственный момент, – доходчиво объяснял ротмистр своё нестандартное решение. – Так что, брат Серый, выручай! Без хорошей кормёжки нам соревнования ни за что не выиграть... Как Бур Бурычу потом будем в глаза смотреть, а? И помощник будет у тебя. Новенький появился в нашей группе, по фамилии – Попович. Он прямо из армии, демобилизовался только что, и по состоянию здоровья

(справку предоставил, гадёныш!) освобождён от всех тяжёлых работ. Вот, и приставим его к тебе в помощники...

Новенький оказался здоровенным и пройдошистым хохлом – родом из города Донецка – с совершенно потрясающими усами подковой «а-ля» ансамбль «Песняры». Помощник из него был ещё тот, откровенно говоря, аховый. Никак Попович не мог – после долгого пребывания в качестве дембеля – перестроиться: косил от всего подряд при первой же возможности, так глубоко ему советская армия въелась в подкорку головного мозга. А, вот, на гитаре поиграть, песенки попеть о несчастной и неразделённой любви – самое милое дело. Доверчивые девицы к его ногам пачками падали и – сами собой – укладывались в ровненькие штабеля...

А ещё Попович был не дурак выпить – желательно на халяву.

Посмотрел он внимательно на Серёгины кухонные расклады, посчитал что-то в уме, покумекал, и резюмировал – с бесконечно важным видом:

– Напрасно ты, братец, столько денег переводишь. Совсем, даже, напрасно!

Ведь, что в питании самое важное? Калорийность! Вот, к примеру, из чего ты на всю банду готовишь борщ? Говядина на косточке? Она же очень дорогая! А если, бульон для борща варить из свиной головы? И конечная калорийность повысится, и денег сэкономим на бутылку...

Серый подумал-подумал, да и согласился. Чего, спрашивается, не выпить лишний раз? Тем более, что и работа поварская – отнюдь не сахар сладкий...

Мясо, парное молоко и прочие продукты в деревушку – на подводе с сонной лошадкой – каждое утро привозил Митёк – местный, вечно пьяненький мужичёк средних лет. Дали «повара» Митьку чёткий заказ, и ровно через сутки получили просимую свиную голову абсолютно невероятных размеров. А к ней дополнительно – по отдельной просьбе – двадцать банок грибной солянки и две литровых бутылки уксуса.

– На несколько раз, наверное, хватит, – радовался рачительный Попович, – Главное, чтобы никто не догадался, в чём тут дело. А то и побить могут, с юмором у народа нынче совсем плохо стало...

Пока все работали в поле, они – за четыре часа – сварили крепчайший бульон, а использованную часть свиной головы вытащили из шестидесятилитровой кастрюли и старательно закопали на заднем дворе.

Потом вывалили в кастрюлю с десяток банок солянки, добавили без счёта капусты, картошки, моркови и подбросили в печку свежих дровишек.

– Красиво получилось! – через некоторое время одобрил Серый. – Только, вот, неприятный запах портит всю картину...

– Точно, побьют, – грустил Попович.

Пришлось вылить в борщ грамм семьсот уксуса – и тут случилось настоящее чудо: вкус варёва неожиданно изменился в лучшую сторону, даже появилась некая пикантность.

Усталая братва, заявившаяся в урочный час на обед, справилась с полной шестидесятилитровой кастрюлей без видимого труда, причём, трепетные городские девицы от мальчишек не отставали, даже нахваливали и пытались вывести рецепт.

– Завтра варите две кастрюли, – в конце трапезы распорядился Кусков. – Знатная вещь получилась! Хвалю!

Сколько свиных голов было съедено за этот месяц – не сосчитать, да и повара не остались внакладе. Вот только, рецептом заветным они так ни с кем и не поделились...

В одно из воскресений объявили выходной. Кто-то пошёл на рыбалку, кто-то отсыпался без задних ног. А Серый с ротмистром решили – на всякий случай – обследовать чердаки

близлежащих заброшенных домов. Вдруг, да обнаружится что-нибудь полезное? Например, клад какой, или ещё что...

Чего только не было на этих чердаках: рваные полусгнившие рыбацкие верши, допотопные ватники и тулупы всевозможных размеров, старые кирзовые сапоги, а также многочисленные альбомы с пожелтевшими фотографиями.

– Почему же люди, уезжая, не взяли фотографии с собой? – искренне недоумевал Сергей. – Или же никто и не уезжал вовсе? Просто все перемёрли от старости и болезней?

Нашлись и вещи, безусловно, могущие реально пригодиться в хозяйстве.

Серому достался металлический змеевик и несколько сорокалитровых бидонов. А Ротмистр нашёл старый, сильно заржавевший обреза.

Михась с Поповичем сразу залили в бидоны всякой всячины, сдобренной сахаром, то есть, «поставили брагу». Кусков же сел приводить в порядок найденный обреза: разобрал, тщательно смазал машинным маслом каждую деталь, и, даже, отрезав от старого валенка несколько кусок войлока, занялся полировкой.

– Зачем это вам, Вашбродие? – не утерпел любопытный Попович. – Хотите, я по этому поводу расскажу очень смешной анекдот? Про одного кота?

– Не стоит, кардинал, право! – вальяжно откликнулся Кусков. – Есть у меня устойчивое предчувствие, что данный ствол может нам пригодиться, хотя патронов-то и нет...

Как говорится в таких случаях, мол: – «Предчувствия его не обманули...».

Через неделю в деревушку заехал Комиссар, то есть, тот самый парнишка, который был самым главным по картофельному соревнованию. И, совершенно неожиданно, у Комиссара с бригадиром Кусковым образовалась досадная нестыковка: контрольные цифры отказывались совпадать, у «главного по соревнованию» количество мешков с картофелем, собранного бригадой, было более скромным, чем в блокноте у Кускова. Дело, даже, чуть не дошло до драки.

– Ты, краснопузый, у меня за всё ответишь! – непочтительно орал ротмистр, грозно размахивая кулаками. – Я покажу тебе – продрозвёрстку – по полной программе!

– Оставьте, Кусков, ваши кулацкие штучки! – не сдавался Комиссар. – Как вы, интересно, с такими контрреволюционными выражениями – через полтора месяца – собираетесь сдавать Ленинский зачёт?

Так они ни о чём и не договорились. Хлопнул Комиссар в сердцах дверью, сел на мопед «Верховина», да и умчался куда-то.

А Митёк, пьяненький водитель кобылы, сидел в это время на кухонной завалинке и – как бы между делом – рассуждал:

– У Поповича, вроде, бражка подходит... Угостил бы кто меня, а? Я, может быть, и раскрыл бы одну страшную тайну... Почему же – после бражки – и не раскрыть? Как это – про что тайна? Про картошку пропадающую, ясен пень...

Кусков у Поповича, не смотря на оказанное физическое сопротивление, один бидон с брагой отобрал, да в Митька большую его часть (то есть, браги) и влил. Митёк – по хмельному делу – всё и рассказал:

– Вы, когда вечером уходите домой, то часть пересчитанных мешков ещё с поля не вывезена? Типа – не успели? А когда утром вновь приступаете к уборке, то на поле уже чисто? Тут такое дело... У нашего председателя колхоза родственников – как у дурака фантиков. Причём, некоторые из них трудятся на различных бойких рынках: в Боровичах там, в Новгороде, в Окуловке... Вот, он – по ночам, понятное дело – иногда и увозит туда картошку-то. Была картошечка колхозная, стала частная... Усекли, гусары хреновы?

Гусары усекли сразу и прочно. Уже через десять-двенадцать минут полувзвод, правда, в пешем порядке, выступил в направлении Правления колхоза. Впереди шагал злой ротмистр и хмуро декламировал:

Песенка весеннего дождя
Вдруг, прервалась, словно отдыхая.
Ей не нужно – злата или рая,
Ей чужды законы бытия.

И всегда, престижности назло,
То поёт, то снова замолкает.
О деньгах совсем не вспоминает,
Голосом, как будто – серебро.

О ручьях поёт и о рассветах,
О любви и детской чистоте.
Но играют роль свою наветы,
Модные в гламурной суете.

И поймали Песенку сатрапы,
И пытаются – с ночи до утра.
Почему же ей – не надо злата?
Знает что-то тайное она?

Табуретом били – как всегда.
Но молчала Песенка упрямо.
А потом – тихонько умерла,
Словно чья-то старенькая мама.

В жизни этой сложной – всё ужасно просто.
После ночи звёздной – сизая заря.
Но зарыли алчные, суки, на погосте
Песенку весеннего дождя...

Путь был не близок – километров пятнадцать с гаком, но чувство неутолённой мести клочкотало в гусарской груди почище, чем вулканическая лава в жерле Везувия – в день гибели Помпеи...

Согласно заранее выработанной диспозиции, основная масса мстителей занялась бескровной нейтрализацией конторских служащих – бухгалтера, зоотехника, агронома и прочих. Серый же удостоился чести сопровождать ротмистра в самое логово коварного врага.

Одним могучим пинком ноги Кусков снёс с петель хлипкую дверь председательского кабинета, и, подбадривающе подмигнув Сергею, смело проследовали внутрь.

– Это что ещё за фокусы? Вы кто такие? А, ну-ка, предъявите ваши документы! – матёрым медведем взревел председатель Пал Иваныч, мужик отнюдь не хилый.

Вернее, взревел матёрым медведем, и сразу ж примолк, испуганно моргая длинными и пушистыми ресницами. Это ротмистр картинно достал из внутреннего кармана ватника обрез, страшно клацнул хорошо смазанным затвором, и, небрежно цедя слова сквозь зубы, поинтересовался:

– Как вы сказали, уважаемый? Ваши документы? Помнишь, Серёга, фильм такой – «Рождённая революцией»? Там ещё был один очень шикарный эпизод. Входят два отморозка в кабинет к храброму комиссару, а тот их и спрашивает, мол: – «Ваш мандат, товарищи»? А тот, что повыше, просит своего подельника: – «Козырь – наш мандат!»... Помнишь?

– Помни, конечно, – подтвердил Серый. – Шикарный эпизод, согласен.

– Давайте, гражданин, повторим мизансцену, – вежливо обратился Кусков к председателю колхоза, не сводящему испуганных глаз с обреза. – Ну-ка, спросите ещё раз: – «Ваш мандат, товарищи»? Ну, гнида вороватая, долго я буду ждать, мать твою?

– Э-э-э... Товарищи, а где ваш мандат?

– Козырь, наш мандат! – радостно и призывно воскликнул ротмистр.

Тяжело вздохнув, Сергей – в точности, как в известном фильме – медленно подошёл к председателю и сильно, почти без замаха, засветил ему кулаком между глаз. Мужик отлетел метров на пять, звонко ударился затылком о стену и, страдальчески закатив глаза, медленно сполз на пол.

– Заставь дурака Богу молиться, он – от излишнего усердия – и председателя колхоза замочит до смерти, – недовольно прокомментировал Кусков, старательно поливая голову Пал Иваныча водой из пузатого графина.

Председатель медленно пришёл в себя и в ту же секунду ощутил под кадыком холодное дуло обреза.

– Будешь ещё, сука оппортунистическая, воровать картошку студенческую, которая потом, мозолями и спинами усталыми достаётся? – надулся пафосным мыльным пузырьком ротмистр. – Иначе, ведь, Колыма тебе светит, гнида позорная... Или же пристрелить морду словочную по-простому, ради пущего душевного спокойствия? Что делать? Кто подскажет?

В ответ председатель лишь тихонько вертел головой из стороны в сторону, что-то неразборчиво мычал и мелко-мелко сучил ногами, обутыми в кирзовые сапоги пятидесятого размера.

– Ладно, на первый раз – верю, – неожиданно успокоился ротмистр и отвёл дуло обреза в сторону, – А украденные мешки с картошкой – всего двести восемьдесят пять штук по сорок пять килограмм в каждом – вернёшь. В другом месте украдёшь, но – вернёшь! Пошли, Серёга, на свежий воздух, а то, очень похоже, наш вороватый друг обхезаться изволили. Причём, не исключаю, что и по-крупному...

По итогам уборочной картофельной кампании бригада под руководством Кускова выиграла-таки соревнование. И диплом памятный был вручён, и вполне приличная денежная премия.

Премию, впрочем, ротмистр никому на руки выдавать не стал, прокомментировав этот поступок следующим образом:

– Деньги, заработанные потом и кровью, да ещё и в боях с грязными супостатами, тратить на меркантильные нужды – пошло и отвратительно.

Поэтому – в ближайшую субботу – встречаемся в «Белой Лошади», где и гуляем с шиком гусарским, потому как – честно заработали это право... А обрез наш я подарю ресторанным ребятам, у них чего только не висит по стенкам: колёса, сёдла, шпоры, попоны... Знать, и обрезу там найдётся достойное местечко. Как-никак, вещь легендарная...

Но забыл Кусков простую истину: – «Долог и непредсказуем путь к причалу, и всякое на этом пути ещё может случиться...».

Байка шестая Старый ржавый обрез – 2

Славно они тогда посидели в «Белой Лошади».

Для тех, кто не знает: ресторанов – разнообразных и дорогуших – в Ленинграде, в далёком 1981-ом году, было в достатке. А пивной ресторан с приемлемыми ценами наличествовал всего один – «Белая Лошадь». Шесть сортов разливного пива – вещь для тех времён неслыханная! А ещё в «Лошади» подавали-предлагали и всякие вкусности с завлекающими названиями: – «Ши по-гусарски», «Колбаска-гриль по-славянски», «Тройная уха «а-ля» граф Строганов»...

Попасть в такое особенное и приметное заведение – было куда как непросто, очередь за месяц приходилось занимать. Но ротмистр Кусков – это вам не просто так блондинистый парнишка. А Мастер Спорта СССР по конной выездке, с самим Ростоцким-младшим занимавшийся когда-то в одной «лошадиной» группе. Поэтому всю «картофельную» банду впустили, что называется, по первому свистку, и обслужили по высшему разряду.

Но конец вечера был безнадежно испорчен. Выяснилось, что Кусков обрез – вещь раритетную и легендарную, предназначавшуюся в подарок ресторану – случайно забыл в безымянной деревне: под колченогой койкой, в потрёпанном портфеле.

Все, естественно, расстроились, но решили горячку не пороть, а возникшую проблему решать не спеша, комплексно и с нетривиальной выдумкой.

– Почему бы, собственно говоря, не встретить очередной Новый год в этой самой, всеми позабытой деревушке? – после недолгого раздумья предложил Серый. – Заодно и обрез заберём. А год-то наступающий, тем более, намечается счастливым. Как там говорит знаменитый поэт Андрей Вознесенский? Мол: – «Девятнадцать – восемьдесят два. По идее, счастливый номер...». Может, смотаемся?

После долгих и жарких прений единодушно и железобетонно решили: – «Ехать непременно, наплевав на все трудности и тернии!».

Но, вот, наступило тридцатое декабря – день отъезда – а на Московский вокзал, к отправляющемуся поезду прибыли только три персоны: Серый, Генка Банкин и Надежда с РГ. У всех других, естественно, образовались насквозь уважительные причины: Кускова жена не отпустила, к Михасю поволжские родственники пожаловали, Толстый готовился к предстоящей свадьбе, к Ленке жених из лётного училища прибыл на побывку, ну, и тому подобное....

– С одной стороны, это плохо, мол, распался дружный коллектив под напором бытовых заморочек, – принялся философствовать Банкин. – А, с другой, некоторые задачи мобильным группам и решать гораздо проще, чем громоздким войсковым соединениям. Азбука полевая...

Они выехали – по юношеской наивности – налегке, планируя затариться необходимым провиантом и алкоголем поближе к месту назначения. Но утром 31-го декабря на крохотной железнодорожной станции, где они десантировались, было хоть шаром покати. С громадным трудом удалось достать пять банок тушёнки, килограмм коричневых развесных макарон, две буханки хлеба, шмат тощего сала и пузатую бутылку вермута. Причём, не советского дешёвого вермута, а импортного, незнакомого, дорожущего, который назывался – Martini.

Уже находясь на низком старте, ребята неожиданно встретились со старым знакомым «по картошке» – с Митьком, приснопамятным водителем кобылы.

– Студентики, родимые! Каким ветром занесло к нам? А тут по радио – к вечеру – обещали минус тридцать два градуса, – Митёк, как и всегда, был немного пьян и искренне радужен.

Узнав о намеченных планах, он тут же стал непривычно серьёзным:

– Не, до Места (так тутошние старожилы называют вашу заброшенную деревушку) так просто не дойти. Наезженной дороги там имеется всего-то километров семь, а дальше – все десять – тянется нетронутая целина. Снегу нынче намело по пояс, без снегоступов или лыж каких – труба полная...

Митёк по-быстрому сбегал домой и выдал путникам три пары стареньких снегоступов:

– Классная вещь! Осиновые! Моя бабка ещё плела – лет сорок тому назад. В те времена зимой все ходили на таких ...

Вещь, действительно, оказалась классной и воистину незаменимой. Если бы не снегоступы эти осиновые, то пришлось бы им встречать Новый год в чистом поле. Или, что вероятней, в дремучем лесу. А так-то – оно и ничего: уже к шести вечера благополучно добрались до безымянной деревни, то бишь, к Месту вождеденному.

Добраться-то – добрались, но, при этом, и очень устали. Прямо-таки, как кони педальные – по выражению местных колхозников.

А в конечной точке маршрута было совсем не до отдыха: их «осенняя» изба промёрзла насквозь, баньку по самую макушку занесло снегом, в колодце не было воды – вымерзла вся, до последней капли.

Первым делом, Серый нашёл заветный обрез и тщательно завернул его в старую фланелевую портянку, найденную тут же. Вторым, они с Генкой напилили впрок дров. Потом разгребли от снега баню, затопили печь, Надюху приставили к данному объекту: снег неустанно подсыпать в чугунный котёл, дровишки подбрасывать в печку. (Очень, уж, хотелось встретить Новый год с соблюдением всех традиций – с жарко натопленной банькой, в частности...). А сами занялись избушкой: окна утеплили полиэтиленом, захваченным с собой, дверь подправили, подмели в комнатах, печь вычистили, огонь в ней – максимально жаркий – развели.

Надежда в бане погрелась первой, после чего отправилась накрывать новогодний стол. А времени уже было – четверть двенадцатого. Но и Сергей с Банкиным успели – ради соблюдения принципов – вениками похлестать друг друга...

За стол они сели без трёх минут полночь, хлебнули иностранного вермута, поздравили друг друга с наступающим Новым годом, закусили макаронами с тушёнкой. И, вдруг, такая усталость навалилась.... Прямо за столом все и уснули...

Серый проснулся часа через два – дрова уже догорали, значимо похолодало. Он растолкал ребят и отправил их спать, а сам остался дежурить при печи в качестве истопника, раз в двадцать минут подбрасывая в топку свежие поленья. Сидел себе тихонечко, присматривал за огнём, размышлял о разном...

Вдруг, за входной дверью кто-то жалостливо и просяще заскулил-заплакал. Сергей открыл дверь: на пороге лежала собака – большая такая, только очень худая, создавалось впечатление, что скелет просвечивал сквозь кожу. И такими жалостливыми глазами смотрела на Серого, что душа выворачивалась наизнанку.

Он затащил собаку в избу, пристроил возле печи, рядом с заиндевевшей мордой примостил щербатую тарелку с тушёнкой. Минут пятнадцать-двадцать собака только мелко дрожала всем своим худым тельцем и неотрывно смотрела на Серого. Потом начала жадно есть. Съела одну предложенную порцию тушёнки, вторую, умяла четверть краюхи хлеба.

Потом, видимо, горячая печка стала припекать ей бок, и собака приподнялась. Тут-то и выяснилось, что лап у неё в наличии было всего три, а на месте четвертой располагался короткий, тёмно-коричневый обрубок, покрытый подтаявшей ледяной коркой.

С культи, видимо, давно уже загноившейся, в тепле закапали крупные капли чёрной слизи, воздух мгновенно наполнился нехорошим больничным ароматом. От мерзкой вони тут же проснулись остальные студенты-авантюристы.

Надежда занялась собакой – начала аккуратно и осторожно обрабатывать запущенную рану йодом, предусмотрительно прихваченным с собой. Генка же, оставшийся не при делах, понимая, что в этом амбре уснуть невозможно, достал обрез, разобрал, и принялся тщательно смазывать его составные части тушёночным жиром – за неимением лучшего. Сергей даже не стал спрашивать – зачем. Мол: – «Если у ротмистра Кускова были не обманувшие его предчувствия, то почему же у Генки таковых быть не может?».

За окнами заметно посветлело, близился рассвет, бедная собака, наконец, уснула. Они – втроём – вышли на крыльцо. На востоке, в светло-серых небесах, почти сливаясь с линией горизонта, затеплилась тонкая розовая нитка зари. На противоположной стороне озера, над трубами немногочисленных домов обитаемой деревни стали лениво подниматься вверх редкие дымы. Было очень холодно, минус тридцать пять, не меньше. Деревья, окружающие Место со всех сторон, были одеты в совершенно невероятные, пышные и идеально-белоснежные шубы.

– Хорошо-то как! – выдохнул Генка.

Серый, глядя куда-то вверх, неожиданно – в первую очередь, для себя – выдал:

Тоненькая розовая нитка,
На востоке, в тёмных небесах,
Теплится, как робкая улыбка —
На карминных, маленьких губах...

Над озером разнёсся – со стороны жилой деревни – громкий петушиный крик:

– Ку-ка-ре-ку!

Потом Серый много раз интересовался у знающих людей, мол: – «К чему это такое, когда в первое утро Нового года – в страшный мороз – громко кричит петух?». Никто так и не смог ему ответить членораздельно, даже многознающие цыганки только неопределённо пожимали плечами и посматривали как-то странно, с плохо скрытым подозрением...

Утром к ним в гости припёрся Митёк.

– С Новым годом, босота студенческая! Поздравляю от души! – размахивая на пороге бутылкой самогона, беззаботно орал Митёк, вдруг, осёкся и, неуклюже опускаясь на пол, слезливо запричитал: – Жучка, Жученька! Ты жива, девочка моя!

Собака, радостно скуля, поползла к нему на встречу...

Через полчаса Митёк, ласково поглаживая смиренно сидящую у его ног собаку, рассказывал:

– Жучка у нас жила на скотном дворе. Очень хорошая собака, ласковая. Но почему-то невзлюбил её наш председатель, Пал Иваныч. Сперва очень сильно побил сапогами, а потом, с месяц назад – и вовсе – пальнул в неё картечью из берданы... Я тогда подумал, что всё, конец Жучке. Ан, нет! Молодцы вы, ребяташки, спасли собаку! Это, не иначе, промысел Божий привёл вас сюда. А Жучку я с собой заберу. Нынче нет уже Пал Иваныча, свобода у нас полная... Нет, его никто не убивал. Наоборот, забрали нашего бывшего председателя на повышение, то бишь, в область. Он теперь в Новгороде будет трудиться вторым секретарём Обкома. Вот, оно как! А что, правильное решение. Пал-то Иваныч, он мужик политически очень подкованный. Да, вы же сами с ним работали по осени! Значит, знаете...

– Это точно, работали, знаем! – ехидно подтвердил Сергей.

Митёк хлопнул мозолистой ладонью по лбу:

– Кстати, вспомнил, для чего я к вам пёрся-то! Метель надвигается серьёзная, пора вам, студиозы, срочно сваливать отсюда... Да, какие ещё – к такой-то матери – прогнозы! У меня организм всё чувствует самостоятельно, без всяких дурацких подсказок. Если после дельной выпивки – похмелье мягкое, только поташнивает чуток, то следует ждать хорошую погоду. А,

вот, когда крутит всего, продыху никакого нет, то это к погани всякой: к ветру ураганному, к ливню с грозой, или, наоборот, к недельной метели.... Сегодня же крутит с самого утра. Так что, надо – непременно – сниматься с якорей....

Через полчаса они «снялись с якорей» и зашагали – на осиновых снегоступах – к железнодорожной станции. Колченогую Жучку несли на руках, естественно, по очереди...

В поезде было тоскливо – холод, теснота, тусклые жёлтые сумерки. На какой-то маленькой станции в вагон вошли и расположились на соседних местах два дембеля, только что распрощавшиеся с армией и следующие в родные пенаты.

Сперва солдатики вели себя вполне прилично, видимо, изображали из себя скромников, то бишь, отличников боевой и политической подготовки.

Потом пошептались о чём-то между собой, купили у проводницы водки, выпили, захмелели и начали выступать: мат на мате, мат сверху, и мат помимо.

Серый, усмехнувшись бесконечно печально, попытался объяснить по-хорошему, мол: – «Вместе с нами едет дама, поэтому ругаться матом – нехорошо. Более того, серьёзные последствия, они и для уважаемых дембелей – серьёзные последствия...».

– Ты чё, гнида малолетняя? – непритворно удивился один из (уже бывших) солдатиков. – Пик-пик-пик, и ещё – пик-пик-пик! Ты, зараза низкорослая, сейчас досконально узнаешь, что она, дембельская любовь, собой представляет.... И – пик-пик-пик...

– Да, что вы, братья! – миролюбиво вмешался в перепалку Генка Банкин, неторопливо расшнуровывая рюкзачок. – Всё, собственно, путём! Сейчас и презент вам, бравым, организуем! Подождите чуток. Сейчас-сейчас...

– Так-то оно лучше, салажата, – пьяненько и вальяжно откликнулся второй дембель. – Дедушки, они ценные подарки очень уважают. Глядишь, и простят вашу наглость. Пик-пик-пик...

Генка, бессовестно подражая ротмистру Кускову, не торопясь, извлёк из рюкзака тяжёленький свёрток, развернул фланелевую портянку, уверенно взял в руки обрез и, многообещающе подмигнув, звонко передёрнул хорошо смазанный затвор.

Через пару секунд дембелей и след простыл...

Кусков обрезу был рад несказанно. А узнав, что данный предмет снова пригодился – да ещё и как – впал в самый натуральный философский экстаз:

– Тысячу раз был прав старикашка Шекспир! Бесспорно, весь наш многоликий Мир – один сплошной Театр.... Но, сколько каждому из нас отмерено спектаклей – не дано знать. А когда будет прощальный бенефис, тем более.... Вот, обрез, железяка старая, на первый взгляд, бесполезная полностью. Но в спектаклях жизненных – до сих пор – играет ключевые роли.... А нам, если строить прямые аналогии, чего ждать от этой непредсказуемой жизни? Каких, спрашивается, невероятных и фантастичных ролей?

Отнёс ротмистр, как и обещал, обрез в «Белую Лошадь», там его официанты торжественно повесили на стену, рядом с какой-то знаменитой персидской саблей.

Года через три – после событий, описанных в этой главе – Сергей случайно заглянул в «Белую Лошадь». Посмотрел на стену. Чем-то там знаменитая персидская сабля висела на прежнем месте, а обреза не было.

Стал спрашивать у официантов – никто ничего толком не знает: весь старый персонал давно уже уволился...

«Видимо, наш железный друг опять задействован в каком-то важном и интересном спектакле», – решил Серый. – «Оно и ничего. Лишь бы – в руках правильных и добрых...»

Байка седьмая

Две разновидности ревности

По ранней весне в дружном коллективе РТ-80 состоялась первая свадьба.

Толстый Витька женился на Нинке.

Мероприятие это (в смысле, свадьба) долгое и откровенно-муторное. Сперва гости и родственники направляются в ЗАГС, где происходит официальная, так сказать, часть. Затем молодые (вместе со свидетелями и ближайшими друзьями-подругами) часа на три-четыре отправляются кататься – на заранее нанятом такси – по городу: на Стрелку Василевского острова, к Медному Всаднику, на Марсово Поле, далее – в зависимости от наличия свободного времени. То бишь, чтобы очень уж сильно и неприлично не опоздать в ресторан, где и запланировано проведение второго акта «брачной пьесы». Гости же – на весь этот период – предоставлены сами себе, и «убивают» время в соответствии со своими наклонностями и финансовыми возможностями.

Витька начал нервничать ещё до начала всего процесса, то есть, с момента облачения в тесный, абсолютно новый, иссиня-чёрный костюм.

Всё ему не нравилось, везде жало и топорщилось, а зеркало предательски демонстрировало кого-то не того, явно, не brutального мачо, хозяина жизни...

– Что ты, брат Толстый, так сильно переживаешь и трусливо мандражируешь? Дело-то – ерунда ерундовая! Раз-два, и готово! – увещевал Витьку ротмистр Кусков, опытный уже в таких делах. – Выпей-ка, старина, зубровочки, оно и полегчает.... Серёга, подтверди немедленно! И, вообще, классику надо знать:

От гусар девицы без ума,
Они пахнут – вкусно и тревожно.
Конский пот, зубровки аромат...
Нет – забыть сё – просто невозможно!

Витька старшему по званию перечить не стал, и первую рюмку зубровки опрокинул безропотно и, даже, с удовольствием. Вслед за костюмными муками начались жестокие галстучные пытки, которые – в свою очередь – тоже не обошлись без волшебного зубровочного эликсира...

После ЗАГСа они поехали кататься по городу. На Стрелке пили шампанское, а потом и знаменитый коктейль «Северное сияние», это ушлый ротмистр и водочки прихватил с собой. Не то, чтоб молодые пошло напились, но определённое алкогольное возбуждение, всё же, присутствовало. Прибыли, наконец, в ресторан и слегка расслабились, мол, все сложности и трудности уже преодолены...

Эх, молодость, молодость! Наивная молодость!

Выпили, закусили, ещё выпили, вдоволь поорали: – «Горько, горько!», и вышли перекурить в вестибюль. Встали вкруг, задымили, со смешками болтая о самом разном. Тут прибежал десятилетний мальчишка – чей-то там дальний родственник – и завопил истошно:

– Невесту-то украли! Выкуп требуют!

Сперва Витька не выказал особого беспокойства. Наоборот, посмеялся немного вместе со всеми, а потом взял у гардеробщика старенькую кепку и пошёл к гостям – деньги собирать на выкуп. Но очень быстро ему это дело надоело и наскучило: кепка полна денег, а жену ему так и не отдают. Даже непонятно – кому собранный выкуп, собственно, требуется вручать.

– Ерунда это всё, не бери лишнего в голову, – невозмутимо посоветовал выдавший виды ротмистр. – Всегда в таких случаях украденную невесту прячут в женском туалете. Вот, пойдёшь туда, да и вызволи суженную из неволи. Деньги? Не пропадут! Себе заберёшь, или с друзьями поделишься, если, конечно, не жадный...

Ресторан был не из простых и занимал целых три этажа, поэтому и туалетов женских там имелось штук десять, не меньше. Витька все их целенаправленно обошёл – с предсказуемыми скандалами и возмущёнными воплями – но Нинки так и не обнаружил.

– Напрасно, вы, дядя Витя, лазаете по женским сортирам, – насмешливо объяснил давешний пацан, – Нинка-то с друзьями просто на такси поехала покататься. Подождите, наверное, скоро вернётся...

Напрасно он это сказал. Совсем, даже, напрасно!

Узнав, что среди Нинкиных компаньонов по поездке присутствует лицо мужского пола, Толстый впал в полную фрустрацию, то есть, вошёл в крутой и непредсказуемый штопор.

– Вот оно, значит, как получается! – орал Витька, махнув с горя фужер водочки. – Часов пять как законная жена, а уже с какими-то левыми мужиками катается на авто? Не прощу! Всё, свадьба отменяется! На фиг!

Ноги моей здесь больше не будет!

Ну, и ещё пару слов обидных – сгоряча – добавил в невестин адрес, после чего развернулся и выбежал из ресторана, только его и видели. Сергей, естественно, бросился следом, стараясь не отставать от друга...

Витька, усердно перебирая длиннющими ножищами и расталкивая по сторонам прохожих, нёсся по Невскому проспекту – только цветастый галстук гордо развевался над его левым плечом. Лишь возле Адмиралтейства, пробежав километра три с половиной, Толстый, наконец-таки, выдохся и остановился.

Минут пять Серый его старательно и вдумчиво успокаивал, а там и ротмистр Кусков – с парой бутылок шампанского – подоспел. Употребив благородного винца, Витька – на удивление быстро – успокоился, повеселел и, даже, публично покаяться в совершённых ошибках. Мол, был неправ, слегка погорячился...

Они, весело и беззаботно пересмеиваясь, вернулись в ресторан, пребывая в самом благодушном настроении, мол, неловкий казус окончательно и бесповоротно устранён... Но, не тут-то было!

Оказалось, что пока разгневанный жених отсутствовал, из вояжа вернулась невеста, а доброхоты ей тут же и поведали – про некрасивое происшествие. Причём, во всех подробностях, в ярких красках, деталях и лицах. Особенно старались, как им и полагается, невестины загадочные подружки...

Внимательно выслушав повествование, Нинка тоже не сдержалась и «закусила удила»:

– Предупреждали меня люди добрые, мол, никогда не связывайся с малолетками. Нет же, не послушалась, дура! На фиг эту свадьбу! Поймайте мне машину! Поеду подавать на развод!

Но здесь уже было гораздо проще: набежали многочисленные родственники, окружили молодых плотным кольцом, пошла вовсю работать народная дипломатия. А Серый и Кусков – в компании с чувством выполненного долга – направились в ресторанный зал, мол, тут и без них разберутся...

В банкетном зале было как-то скучно и откровенно невесело – никаких тебе песен и танцев. Оно и понятно – скандал, как-никак. Ротмистра, впрочем, это ни мало не смутило. Браво накотив водочки, он от души закусил, потом громко – на весь зал – рассказал пошлый анекдот, ещё – накатил и подсел, глупо улыбаясь, к одинокой незнакомой девице.

– Слышь, Серёга, а приударь-ка ты за мной по полной программе, – неожиданно предложила Вика Кускова, ротмистрова жена. – А то мне до слёз обидно. С Кусковым мы уже три года женаты. Я его ревную постоянно и пламенно, а он, мерзавец гусарский, меня совсем не

ревнует. Неправильно это! Вон, даже Витька свою Нинку – без всякого мало-мальски серьёзного повода – ревнует. А, я? Мне, ведь, тоже хочется...

Сергей принялся – как умел – ухаживать-ухлёстывать за Викой: шептать ей на ухо всякие глупости, регулярно подливать в бокал шампанское, пригласил танцевать, потом ещё раз пригласил... А во время четвёртого танца ощутил (почувствовал?) на своей спине чей-то очень тяжёлый и колючий взгляд... Вскоре свадьба подошла к своему логическому завершению. Молодые окончательно помирились, и, даже толком не попрощавшись, отбыли по своим неотложным делам, гости же потихоньку начали расходиться.

Серый и чета Кусковых отправились в метро, благо ближайшая станция находилась в пяти минутах ходьбы. Отыскав в карманах необходимое количество «пяточков», они по эскалатору спустились в подземный зал.

Надо вам сказать, что эта станция метро являлась «закрытого типа», то есть, электрички были отделены от потенциальных пассажиров стеной, в которой имелись ниши, оборудованные расходящимися в стороны дверями.

И, вот, уважаемые читатели, представьте себе такую картинку. Подходит и останавливается очередная электричка, двери послушно открываются, но пассажирам – из одной конкретной двери – на перрон никак не выйти: в нише, крепко упершись спинами в противоположные стенки, расположились Серый с ротмистром и дубасят друг друга почём зря. А в трёх метрах от них стоит счастливая Вика Кускова и довольно улыбается – наконец-то, ротмистр её превновал по-настоящему, сбылась сокровенная девичья мечта...

С Кусковым, конечно, Сергей потом помирился. Но природа ревности и её глубинный смысл для него ещё долгие годы оставались неразрешимыми загадками...

Байка восьмая О напрасном героизме

Попович – как-то незаметно – превратился во всеобщего любимчика.

На любой вечеринке он был желанным гостем: классно играл на гитаре, хорошо поставленным баритоном пел различные песенки – и о неразделённой любви, и, так сказать, геологической направленности:

Заварим круто дымный чай,
Взлетают искры – светлым роем.
Моя родная, не скучай,
Шипит в костре сырая хвоя.

Ты там – не знаешь ничего,
Винишь, наверное, в измене.
А здесь, тропую кочевой,
Усталые бредут олени.

Здесь сопки в воздухе висят,
По пояс – скрытые – в тумане.
Из женщин, вёрст на пятьдесят,
Лишь ты – на карточке в кармане.

И тот дым, и этот чай,
И кедр с обугленной корою...
Моя родная, не скучай —
Шипит в костре сырая хвоя...

Короче говоря, стал Попович душой коллектива.

Вот только, с учёбой у него никак не ладилось, особенно с точными науками. И если с высшей математикой ещё что-то вытанцовывалось, потому что её преподавала пышнотелая барышня бальзаковского возраста, так что некие шансы у Поповича – женского любимчика – определённо были, то с теоретической механикой (термехом – по-простому) ловить ему было совершенно нечего.

Профессор Агранович, который будущим геологам и буровикам читал лекции, вообще-то, был мужиком неплохим, даже, где-то удобным – в плане сдачи ему экзаменов. Всё ему было до фонаря. Излагает учебный материал, и видно невооружённым глазом, что думает-то он совсем о другом, скорее всего, о совершенно постороннем.... Встречаются иногда такие чудачки, целиком и полностью погружённые в себя. Вот, и этот Агранович был не от мира сего, даже фамилий собственных студентов не мог толком запомнить и постоянно ошибался. Видимо, ему это было неинтересно.... И внешность у профессора была соответствующая: чёрный потёртый костюм, борода клинышком, старомодное пенсне – вылитый академик Тимирязев из знаменитого кинофильма «Депутат Балтики».

Преподаватель же практических и лабораторных занятий – по фамилии Витюков – был полной противоположностью Аграновича: молодой, желчный, наблюдательный и ушлый до невозможности. Он как-то сразу понял, что Попович в его предмете не смыслит абсолютно ничего, то есть, полный ноль. А, поняв это, тут же стал нагружать бесперспективного студента

многочисленными дополнительными заданиями. Но «эртэшники» брата-гусара в беде не бросили, совместными усилиями решили все хитрые задачки, и Попович получил-таки необходимый зачёт.

Ставя подпись в зачётке, Витюков зло и многообещающе прошипел сквозь зубы:

– Ничего, Попович, ничего! Мы с вами ещё на экзамене встретимся, вот, там и расставим все точки над «и», выведем кое-кого на чистую воду...

Экзамен же по термеху проходил следующим образом: первые минут двадцать-тридцать в аудитории находился только Агранович – раздавал студентам билеты, рассаживал их по местам, а потом – к моменту, когда первый желающий уже был готов отвечать – появлялся Витюков, подсаживался к профессору и начинал экзаменуемому задавать каверзные вопросы, а Аграновичу что-то нашептывать на ухо. И профессор к его мнению всегда прислушивался и двойки – по просьбе Витюкова – ставил исправно. Так что, шансов у Поповича – успешно сдать экзамен – практически и не было...

Экзамены проводились в два приёма: в первый день шли те, кто был более-менее уверен в своих знаниях, а во второй – все остальные. Серый решил рискнуть, пошёл сдавать экзамен в первый день, и всё прошло нормально – четыре балла. Красота!

Спустя два часа он – в компании с Михасем и Генкой Банкиным, такими же счастливицами – уже сидел в общаге и благостно попивал бутылочное пиво. Типа – на радостях...

Тихонько заскрипела входная дверь, и в комнате появился Попович – смурной весь из себя, хмурый, словно туча из известного мультика про Вини Пуха. Поздравив всех с успешной сдачей, Попович тоскливо известил:

– А мне, похоже, кирдык приходит. Загрызёт меня завтра Витюков насмерть, гадом буду. Непременно загрызёт... Хоть вещи иди и заранее собирай, готовясь к возвращению в родимый Донецк...

Серый только понимающе переглянулся с Банкиным и Михасем, мол: – «Жалко, конечно, Поповича. Да, чем тут поможешь?».

А Попович пивка (без спросу, естественно) хлебнул и туманно продолжил:

– Есть, впрочем, один шанс. Впрочем, опасное это дело, далеко не каждому по плечу. Хилая нынче пошла молодёжь, слабоватая, риска боится – как огня... Ну, рассказывать вам дальше, субчики, или не стоит? Типа, всё равно откажетесь?

– Рассказывай, чего уж там! – откликнулся Серый. – Послушаем с удовольствием. Мы ребята не робкого десятка, как-никак – brave гусары, а не какие-нибудь, там, ботаники...

– Ну, тогда слушайте, орлы! Агранович-то у нас, с одной стороны, натуральный гений. Зато, с другой, лох чилийский, почти никого из студентов не помнит в лицо. Витюков же на экзамены, сами знаете, приходит с получасовым опозданием... Вот, если кто найдётся смелый, с моей зачёткой сходит на экзамен и минут за десять-пятнадцать сдаст его... Было бы, откровенно говоря, здорово! Не, понятное дело, что надо и на шухер у дверей в аудиторию поставить кого-нибудь, чтобы – если что – шум поднять, дабы посланный казачок успел смыться... Ну, уважаемые, как вам план?

– А что, на, план, как план, – тут же откликнулся Михась. – Только, на, проработать его тщательно требуется, на...

Незамедлительно приступили к проработке. Попович – для ускорения мыслительного процесса – притащил литровую бутылку донецкого самогона.

Вскоре появился – с честно заработанной тройкой – Кусков и со всем пылом подключился к стратегическому совещанию.

– Авантюра чистой воды, ясен пень! – хищно усмехнулся ротмистр. – А, с другой стороны, гусары и авантюристы – суть – одно и то же...

Сидели допоздна, всё прикидывали и кумекали, в конце концов, решили, что утро вечера мудренее, и легли спать...

Утром всех растолкал помятый Генка:

– Вставай, умывайтесь, брейтесь! Надо торопиться, запросто можем опоздать...

После завершения утренних процедур и торопливого поглощения растворимого кофе, они приступили к распределению ролей, в том числе, и к выбору «главного героя». То бишь, того, кому лично предстояло идти на randevу с профессором. Жребий тянули втроем: Серый, Михась и Банкин. Ротмистр же – как вечный троечник – в процедуре участия не принимал.

– Ага, Серёге досталась длинная палочка! – объявил Попович. – Знать, судьба так распорядилась...

«Ладно, рискнём!», – подумал Серый. – «Гусарское слово, данное накануне, с утра возврату не подлежит...».

Дежурные номера были заняты согласно разработанной накануне диспозиции: Серый расположился непосредственно под дверью в аудиторию, Михась и Банкин метрах в двадцати – с той стороны коридора, откуда мог появиться Витюков, а ротмистр с Поповичем активно передвигались туда-сюда по всему ближайшему пространству, что называется – «нюхали воздух».

Пунктуально, точно в назначенное время, появился Агранович, открыл аудиторию, запустил первую пятёрку экзаменующихся, забрал зачётки и раздал экзаменационные билеты.

По прошествии трёх-четырёх минут Серый поднялся со своего места, подошёл к Аграновичу и преувеличенно бодро доложил:

– Олег Николаевич, я готов отвечать!

– Ну, что вы, молодой человек! К чему такая спешка? Посидите ещё, подумайте хорошенько, – равнодушно ответил профессор, не отрывая взгляда от страниц какого-то научно-популярного журнала.

– Видите ли, Олег Николаевич, – от волнения Серый начал нести откровенную чушь. – Я очень-очень тороплюсь! Мне уже через час обязательно надо быть на Московском вокзале. Беременная невеста приезжает... Она у меня из провинции, города не знает совсем. Если встретить не успею, то обязательно заблудится. Войдите, пожалуйста, в моё положение...

Агранович нехотя оторвался от журнала:

– Придётся пойти вам, – заглянул в лежащую перед ним зачётку, откуда таранился мордатый мужик с шикарными усищами «а-ля» ансамбль «Песняры», – товарищ Попович, навстречу. Невеста – дело святое. Начинайте! Хотя, – перевёл взгляд на худенького Сергея, – рановато вам ещё жениться, молоды больно...

Как назло, вопросы в билете попались заковыристые, требующие развёрнутых ответов. Понимая, что времени остаётся совсем немного, Серый принялся таранивать материал со скоростью отбойного молотка, чиркая, время от времени, прямо на обратной стороне билета необходимые формулы, схемы и графики. Минуты через три-четыре он выдохся и сообщил, что, мол, всё, что знал – сказал.

Профессор посмотрел на него с долей удивления и уважения:

– Молодой человек, неплохо! Право слово, неплохо! Но – для однозначной пятёрки – мне необходимо задать вам некоторые дополнительные вопросы, посвящённые...

– Олег Николаевич! – невежливо перебил профессора Серый и молитвенно сложил руки у груди. – Но у меня же – беременная невеста! Она заблудится и будет волноваться, что может повредить её здоровью...

– Да, да, конечно же, – смущённо замычал Агранович, – Извините, совсем забыл. Извините, пожалуйста, старика! – снял колпачок с чернильной ручки и вывел в зачётке Поповича жирную пятёрку.

– Спасибо большое! – Серый пулей вылетел за дверь.

И, надо признать, вовремя! В коридоре уже стоял невообразимый шум и гам, это Генка Банкин всерьёз сцепился с Михасём, а рядом с ними резвым козликом прыгал Витюков, безуспешно пытаясь разнять дерущихся студиозов...

Сергей, на ходу пряча зачётку Поповича в карман брюк, торопливо свернул за ближайший угол. Где-то рядом раздался лихой разбойничий пересвист – это ротмистр Кусков подавал остальным участникам спектакля условный сигнал, мол: – «Отбой, гусары! Всем вернуться в базовый лагерь! Победа! Победа!».

А, вот, праздновали они эту победу, видимо, избыточно бурно и нескромно. Информация-то и ушла – куда совсем и не надо...

Дней через пять-шесть всю славную четвёрку (а Поповича – нет) вызвал к себе Бур Бурыч, усадил, долго – по очереди – смотрел на каждого, а потом сказал:

– Гусар гусару, конечно же, брат. Однако, пора уже научиться и в людях разбираться немного. Взрослые уже, чай... Одно дело, если бы вы всё сделали втайне от Поповича. То есть, по-тихому выкрали бы зачётку, не ставя его о том в известность, экзамен бы сдали... Но, как я слышал, он сам всё придумал, да и вас, дурачков наивных, подбил на эту жуткую авантюру? А это – уже совсем другое дело! Нельзя так подло подставлять товарищей – ради собственных меркантильных интересов. Нельзя! Попомните ещё мои слова, не будет из Поповича толка. Не наш он. Не наш! А вы, любезные мои, в следующий раз, пожалуйста, думайте – кому помогаете. Тому ли?

Как в воду смотрел мудрый Бур Бурыч – вскоре попался Попович на каком-то мелком, но откровенном крысятничестве. История получила широкую огласку, все от Поповича отвернулись и перестали помогать в учёбе. Ну, и вылетел он из института – по итогам очередной сессии – как пробка из бутылки с шампанским...

Для гусара – нет страшней —
Потерять своих друзей.
Был гусар – и – нет гусара.
Лишь молва скользит устало
Пред гусарского коня,
Колокольчиком звеня...

Байка девятая

Стройотряд и первая потеря

После второго курса всех студентов РТ-80 – в обязательном порядке – отправили в стройотряд. Никто, впрочем, отлынивать – в смысле, косить – и не пытался, в те времена деньги в стройотрядах можно было заработать вполне значимые – хватало на всю зиму.

На всех пошили – в специализированном ателье – стройотрядовскую форму защитного цвета: штаны, скроенные по джинсовым лекалам, и куртки, украшенные всякими и разными цветными эмблемами. После прохождения медосмотра, сопровождаемого многочисленными прививками, студентов усадили – под знаменитый марш «Прощание славянки» композитора В.И. Агапкина – в самый обычный пассажирский поезд, следующий по маршруту Ленинград – Инта.

Но до Инты стройотряд «Восход» так и не доехал, поступила строгая начальственная команда – десантироваться на железнодорожной станции Косью. То ещё было местечко. Сердце всего посёлка, его истинный и наиглавнейший центр – это котельная, дающее зимой живительное тепло, а уже вокруг неё и группировалось всё остальное. В смысле, разномастные и уродливые бараки всех оттенков серого цвета. Ничего другого в посёлке не было...

Пятьдесят пять вновьприбывших стройотрядовцев разместили в самом большом и холодном бараке, обеспечили раскладушками, матрацами и прочими постельными принадлежностями. Выдали ватники, брезентовые штаны, кирзовые сапоги, фланелевые портянки и утеплённые чёрные шлемы с белой шнуровкой – так называемые «монтажки».

Несмотря на то, что на дворе стоял июнь месяц, было очень холодно. По утрам на лужиках даже образовывался тоненький ледок, а днём температура окружающего воздуха поднималась – максимум – до плюс семи-девяти градусов. Ещё и мелкий дождик постоянно моросил – гадость страшная, тоска...

Первые полторы недели «восходовцы» усердно и старательно строили «заборчик» – так это сооружение называл пожилой и хмурый прораб. На самом же деле, речь шла о толстенных и тяжелых сосновых брёвнах, вкопанных в землю на добрые полтора метра и оплётённых многими рядами (натуральной стеной, чего уж там!) колючей проволоки. «Заборчик» огораживал местную автобазу – несколько длинных барачков, забитых под завязку ржавыми железяками и столитровыми бочками с соляжкой.

Прежде, чем вкопать толстый столб, сперва – по строгим технологическим нормам – полагалось ломом выдолбить в вечной мерзлоте глубокую яму объёмом в один кубический метр. Объём этот определялся сугубо на глаз: подготовили ям десять-двенадцать – надо звать строгого прораба. Закапывать (укреплять в мерзлоте) столбы можно было только после его отмашки.

Откровенно-сволочной была эта «заборная» работа. Вечная мерзлота, она как камень, да и настоящие камни-валуны попадались постоянно. Вокруг царствовала непролазная грязь, регулярно переливавшаяся через края кирзовых сапог. Сосновые брёвна весили килограмм по двести пятьдесят каждое, руками не обхватить. Вместе с тем, за установку одного столба начислялось по десять рублей. Как-то вечером посчитали – за неполную неделю каждый боец отряда заработал по месячной стипендии.

Но не лёгкими были эти деньги, ей-ей! Спины ломило просто невыносимо, руки и ноги покрылись чёрными синяками – от постоянного контакта с колючей проволокой. Непростое это дело, как выяснилось, натягивать между сосновыми столбами – плотной стеной – проволоку колючую... А ещё примерно половина списочного состава отряда – абсолютно прогнози-

руемо – простудилась: зелёные сопли текли рекой, по утрам канонада от кашля не затихала ни на минуту. Держались, конечно же, как могли: старательно лопали аналгин, ведрами пили чай с мёдом – это отрядный комиссар подсуетился и где-то раздобыл целую бочку липового мёда...

Наконец, «заборчик» был возведён и, даже, принят в эксплуатацию до невозможности важной Государственной комиссией.

Ещё через сутки отряд – телефонограммой из Инты – разделили на две группы. Первую – под руководство ротмистра Кускова – на вертолётах забросили куда-то в горы, где находился заброшенный прииск: на вторичную промывку золота. Второй же группе поручили работу ответственную и наиважнейшую, а именно, строительство телятника. Бригадиром назначили Михася – как исконно-деревенского жителя, понимающего всю значимость – для посёлка Косью – данного объекта.

Телятник строили из шлакоблоков. Направляющие для опалубки заранее были возведены настоящими, то бишь, взрослыми строителями. Стройотрядовское же дело нехитрое: прибить обшивочные доски к опалубке, лопатами загрузить в бетономешалку цемент, песок и шлак (из той же котельной), после тщательного перемешивания выложить образовавшуюся массу на носилки, тащить к опалубке, вываливать туда и тщательно трамбовать массивными деревянными плахами. Вроде бы, всё просто, но носилки с цементно-шлаковой массой весили килограмм шестьдесят-семьдесят, удовольствие, откровенно говоря, ниже среднего...

По мере застывания раствора, доски опалубки надо было передвигать вверх, поэтому пришлось строить деревянные помосты. Стены телятника неуклонно росли в высоту, деревянные помосты – следом за ними. Таскать тяжеленные носилки становилось всё труднее. Работа по установке «заборчика» уже представлялась детским лепетом...

Руки, ноги и спину уже даже не ломило – эти части тела просто-напросто не ощущались, словно бы их вовсе не существовало. Жизнь постепенно превратилась в самую натуральную каторгу: проснулся, поел, отпахал до полной потери сил, поел, доплёлся до койки, не раздеваясь, рухнул на неё и забылся тяжёлым сном. Далее – строго по кругу...

Тогда-то Серый и понял, что означает словосочетание – «круги ада». Именно, что, круги...

Бытовые проблемы – тем временем – неуклонно углублялись и расширялись. Жилой барак постепенно превратился в запущенное логово бомжей: на раскладушках – грязно-серое постельное бельё, везде и всюду разбросаны вонючие носки и не менее вонючие портянки, старые объедки и многочисленные окурки.

Сидел как-то на низком барачном подоконнике бригадир Михась, лениво курил и задумчиво рассматривал дырявые носки на своих грязных лапах. Рядом с бригадиром пристроился приبلудившийся кот по кличке Кукус. Кот тоже внимательно и заинтересованно изучал Мишкины пальцы: вдруг, между ними завёлся кто-нибудь съедобный? Михась медленно перевёл взгляд на помещение, долго – с вселенской грустью во взоре – взирал на этот бардак, потом сплюнул в сердцах на пол, затушил хабарик о подоконник, сильным щелчком отправил его куда-то – между коек товарищей – и ёмко высказался:

– Живём, на, как в свинарнике, на, твою мать!

Но ничего было не изменить и не исправить: смертельная усталость, она сильнее любви к чистоте, не оставалось уже сил на героический подвиг – хоть немного убраться в этой норе...

Приехал как-то в Косью (вернее, в Кожим) «большой» проверяющий из регионального штаба ССО. Смело открыл дверь, вошёл в барак.... И через пять-шесть секунд выбежал обратно, стошнило его, беднягу, прямо на крыльце. Смущённо сделал пару дежурных замечаний, и в помещение уже не заходя, проверяющий умчался куда-то, наверное, по делам более важным...

С личной гигиеной – постепенно – образовалась конкретная задница. Холодной воды было – море. Вернее, бурный ручей, что протекал за бараком. Но вода в нём была ледяной, а единственный кипятильник – ещё в первые дни – исчез в неизвестном направлении.... Через неделю многие стройотрядовцы перестали чистить зубы, и – все поголовно – бриться. Полноценная же помывка являлась заветной и призрачной мечтой, для многих – полностью невыполнимой. Душ с тёплой водой имелся только в котельной, но попасть туда было нереально – по причине вечной длиннющей очереди. Типа – до морковкиного заговенья можно было в ней стоять и, в конечном итоге, так и не достояться.... Был ещё электрический водогрей на автобазе, но туда пускали только «блатных»: комиссаров, бригадиров, прорабов и прочих начальников.

Серый и Лёха решили эту проблему быстро и кардинально, уже на третий день после приезда в Косью. А именно, спёрли с какой-то ближайшей стройки (недалеко молдавские шабашники возводили новый барак) четыре рулона толи, и одной местной старушке – за пару вечеров – наставили на протекающую крышу дельных заплат. За эту пустяковую услугу бабулька им иногда протапливала крохотную баньку – аккурат к завершению рабочего дня. Как остальные бойцы целый месяц обходились без нормального мытья? Серый так и не разгадал эту шараду...

Потом-то стало гораздо проще. В конце июля установилась жаркая погода, студенты вычистили с десятков столитровых пустых бочек из-под какой-то химии и выкрасили их – и снаружи, и изнутри – в чёрный цвет. Половина посуды предназначалась для мытья грязных тел, другая – для постирушек. С утра дежурный по базе наполнял их водой из ручья, потом летнее солнце – весь день – работало на совесть, и к вечеру тёплой воды было – хоть залейся. Очередность купания в бочках устанавливал честный жребий, ни каких тебе пакостных привилегий, самая настоящая и натуральная демократия: бойцы строго по очереди, друг за другом, влезали в вожделенные бочки. Сомнительной и, безусловно, несерьёзной являлась такая гигиена, но ничего тут не поделаешь, другой-то не было...

Одновременно пришли две замечательные новости. Во-первых, возвращалась часть отряда, отправленная на вторичную промывку золота. Во-вторых, в магазин леспромхоза завезли спиртное. И ни какую-нибудь дрянь, а настоящее «Яблочное» вино в бутылках по поллитра.

– Шестнадцать на шестнадцать! – торжественно объявил Лёха. – То есть, шестнадцать алкогольных оборотов и шестнадцать же процентов сахара. По прямому договору с кубанским колхозом «Путь к коммунизму!». Лес в обмен на портвейн...

Подумав немного, бригадир Михась так объединил две эти две новости в одну:

– Братьев усталых, на, приезжающих с золотых приисков, на, надо встретить достойно? Надо, на! Предлагаю, на, незамедлительно организовать мобильную и ударную группу, на...

Серого – как паренька серьёзного и ответственного – назначили командиром ударной группы. А ему в помощь – в качестве грубой физической силы – были приданы Лёха-каратист и Лёнька Молдаванин, мол: – «А вдруг, предстоит транспортировать груз немалый?».

До означенного леспромхоза было километров двадцать пять, которые предстояло пройти сугубо по узкоколейке, заброшенной ещё в незапамятные времена. Имелась, конечно, и наезженная грунтовая дорога, но по ней получалось все восемьдесят-девять километров. А попуток в этих непростых краях отродясь не водилось, тем более – за вином, конкуренция, однако.

Они выступили затемно, примерно за час до рассвета.

– Если для бешеной свиньи – семь вёрст не крюк, то для советского стройотрядовца и двадцать километров с гаком – не в зачёт, – тихонько бормотал Лёха. – Ерунда ерундовая...

Ударная мобильная группа дошагала до пункта назначения вовремя, то есть, к самому открытию магазина. Вокруг торговой точки наблюдался нездоровый ажиотаж, создавалось

устойчивое впечатление, что лесорубы со всего Северного Урала сбежались-съехались в это место.

– Может, объявили какой-нибудь конкурс? – неуверенно предположил Серый.

– Точно, конкурс! – нервно хохотнул Лёха. – Типа, а кто в этой тайге является самым крутым? Победителю – алкогольный приз!

Пришлось принять в «конкурсе» самое непосредственное и живое участие. Вернее, это Лёха «принимал», а Сергей с Молдаванином, проявляя ленинградскую вежливость, относили бесчувственные тела лесорубов в тенёчек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.